

Научная статья

УДК 94(571)+323.272“1917”

DOI: 10.32516/2303-9922.2023.48.13

Революционный процесс в Сибири в 1917 году: от Февраля к Октябрю

Владимир Иванович Шишкин

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, patric@academ.org, <https://orcid.org/0000-0002-1462-4805>

Аннотация. В статье впервые в новейшей отечественной историографии дана обобщающая картина ключевых событий, направлений, этапов и результатов общественно-политического развития Сибири в марте — октябре 1917 г. Анализируется ликвидация царского государственного аппарата и создание революционных органов управления, констатируется радикальное обновление административно-политической элиты Сибири. Утверждается, что активность местного населения, вызванная революцией, нашла свое воплощение в создании разнообразных институтов гражданского общества. Формулируется вывод, что главные общественно-политические события и процессы в Сибири происходили преимущественно под влиянием двух факторов: импульсов, которые исходили из столицы, и ухудшавшихся местных социально-экономических условий. Они способствовали снижению работоспособности и авторитета правительственных структур, дальнейшему усилению хаоса в сфере государственного управления. На этом фоне осенью 1917 г. резко возросло значение двух новых акторов: областников и большевиков. В условиях ослабления центральной власти и усиления анархии областничество стремилось играть роль стабилизирующего мотиватора. Прямо противоположную цель преследовали большевики. Через провозглашение власти Советов они стремились установить собственное господство.

Ключевые слова: Временное правительство, Сибирь, общественность, комитеты общественной безопасности (КОБы), социалисты, Советы, контрреволюция, кризисы, хаос, областничество, большевики.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (проект № 0261-2021-0004 «Человек, общество и власть в России XX — начала XXI в.: процессы и результаты взаимодействия»).

Для цитирования: Шишкин В. И. Революционный процесс в Сибири в 1917 году: от Февраля к Октябрю // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2023. № 4 (48). С. 257—298. URL: http://vestospu.ru/archive/2023/articles/13_48_2023.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2023.48.13.

Original article

1917 Revolutionary Process in Siberia: From February to October

Vladimir I. Shishkin

Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, patric@academ.org, <https://orcid.org/0000-0002-1462-4805>

Abstract. For the first time in modern Russian historiography, the article provides a general picture of the key events, directions, stages and results of the socio-political development of Siberia in March — October 1917. It analyzes the liquidation of the tsarist state apparatus, the establishment of the Bolshevik revolutionary government, and the radical renewal of the Siberian administrative and political elite. The article argues that the activity of the local population, caused by the revolution, resulted in the creation of a number of civil society institutions. It concludes that two factors influenced the main socio-political events and processes in Siberia the most: the impulses from the capital and the deteriorating local socio-economic conditions. Both decreased the efficiency and authority of government structures and further intensified chaos in the public administration sphere. As a consequence of this

© Шишкин В. И., 2023

power dynamic, in the autumn of 1917, two new political actors strengthened their positions — the regionalists (oblastniks) and the Bolsheviks. In the context of the weakening of the central government and the deepening anarchy, regionalism (oblastnichestvo) was keen to become a stabilizing motivator. The Bolsheviks pursued the opposite goal. Through the proclamation of the power of the Soviets, they sought to establish their dominance.

Keywords: Interim government, Siberia, public, public security committees (PSC), socialists, Soviets, counter-revolution, crises, chaos, regionalism (oblastnichestvo), Bolsheviks.

Acknowledgments. The research was carried out within the state assignment of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. 0261-2021-0004 “Man, Society and Authorities in Russia in the 20th — Early 21st Centuries: Processes and Results of Interaction”).

For citation: Shishkin V. I. 1917 Revolutionary Process in Siberia: From February to October. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2023, no. 4 (48), pp. 257—298. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2023.48.13>.

Введение

С первых шагов советской исторической науки ее главной темой стала история Великой Октябрьской социалистической революции [7; 53; 101]. Свой непререкаемый приоритет эта тема сохраняла в течение семи последующих десятилетий [21; 22; 102; 120]. Восемь месяцев, предшествовавшие Октябрьскому вооруженному восстанию в Петрограде (март — октябрь 1917 г.), по праву принадлежали к тематике Великого Октября. Они давали историкам возможность анализировать стратегию и тактику партии большевиков, ее организационную и агитационно-пропагандистскую деятельность, подготовившие победоносный исход борьбы за установление власти Советов.

В советское время изучением этой престижной темы занимались наиболее квалифицированные отечественные историки и архивисты, имевшие, как правило, звания кандидатов и докторов наук. Они подготовили огромный массив документальных и исследовательских публикаций, который многократно подвергался критическому анализу [21; 22 и многие др.]. В данном случае нет смысла говорить как об их несомненных достоинствах, так и о существенных недостатках.

В настоящее время важнее оценить состояние постсоветской историографии, насчитывающей уже более трех десятилетий. Особое внимание при этом следует уделить тому ее сегменту, который посвящен развитию революционного процесса на местах и который в советской историографии традиционно находился на исследовательской периферии.

Первое, что нельзя не заметить, произошло резкое по сравнению с советским периодом уменьшение документальных публикаций о 1917 г., выполненных в рамках отдельных регионов и областей. Такое отставание особенно заметно на фоне появления фундаментальных изданий, выполненных в общероссийском масштабе и посвященных Временному правительству, партиям кадетов, эсеров, левых эсеров, меньшевиков, народных социалистов, анархистов, Петербургскому комитету РСДРП(б) и др.

Второе замечание заключается в том, что за последние три с лишним десятка лет вышло в свет около полутора десятка книг, в названии которых присутствует Сибирь в 1917 году. Такое количество публикаций не идет ни в какое сравнение с советскими временами, уступая им в разы. К тому же лишь три издания из указанных выше с большой натяжкой можно назвать выполненными в общесибирском масштабе [79; 127; 129].

Но главное, конечно, не в территориальных рамках публикаций. Например, монография М. В. Шиловского, изданная двадцать лет назад под грифом академического института, не содержит анонсированных в ее названии «политических процессов». Они отсутствуют, поскольку книга является механическим объединением ранее вышедших статей автора на разные темы, написанных не на самостоятельно выявленных источниках, а в основном по публикациям предшественников. В то же время книга содержит ряд утверждений, ошибочно характеризующих реалии революционного времени.

М. В. Шиловский заявляет «об отсутствии в Сибири в 1917 г. периода двоевластия как такового». Это утверждение нельзя назвать оригинальным, так как к тому времени оно получило широкое распространение. В то же время автор полагает, что уместнее говорить «о многовластии многочисленных формально (? — *В. III.*) государственных и самодеятельных структур и организаций». К их числу М. В. Шиловский относит (перечисляю в порядке, названном автором) комиссаров Временного правительства, КОБы, Советы, профсоюзы, фабзавкомы, городские думы, партийные и национальные комитеты, кооперативы и т.д., которые «действовали в конкретно-исторических условиях того или иного уголка региона и обладали здесь властными полномочиями» [129, с. 41]. В итоге складывается впечатление, что автор не понимает, что такое государственная власть, что осуществлять ее могут только органы, наделенные такими полномочиями и состоящие из компетентных людей.

В монографии Э. И. Черняка освещена важная, но только одна составляющая революционного процесса. Она содержит обобщающую информацию о работе и решениях съездов, конференций и совещаний институтов гражданского общества Сибири: социально-классовых, политических, религиозных и национальных организаций [127]. С решением этой задачи автор успешно справился, дав последователям дополнительную фактическую пищу для размышлений.

Что касается книги В. В. Московкина [79], то ее автор не затруднил себя поиском новых источников и постановкой оригинальных научных проблем. Он поверхностно прокомментировал отдельные факты из истории Урала и Сибири, используя уже известный материал, введенный в научный оборот предшественниками.

Так называемые «книги» В. Г. Кокоулина об Алтае, Новониколаевске, Омске и Томске [63—66], в названии которых присутствует термин «революция», ниже всякой критики. Они уже получили около десятка отрицательных рецензий квалифицированных авторов, найти которые в Интернете легко сможет любой желающий ознакомиться с ними. Тексты В. Г. Кокоулина, не имеющие атрибутов академических изданий, нельзя считать научными ввиду отсутствия в них исследовательских проблем, методологии и методов исследования, а также по содержанию и тем выводам, которые в них иногда имеются.

Книги А. А. Кононенко о Тюмени [67; 68] являются, скорее, серией интересных краеведческих очерков, выполненных в публицистической манере, а не научными исследованиями. Они полезны для расширения кругозора любителей, интересующихся тем, как Великая российская революция свершилась в их не очень приметном городе и чем она обернулась для его жителей.

На этом не очень академическом фоне выгодно выделяются монографии В. А. Дробченко [31; 32], коллективная монография, посвященная революции 1917 г. в Енисейской губернии [2], и публикация А. П. Дементьева и О. В. Коноваловой [30]. Названные издания в основном сфокусированы на раскрытие революционной проблематики. Они содержат новый фактический материал и сделанные на его основе выводы. Это придает им новизну и научную значимость, но вызывает необходимость по ряду вопросов вступить с авторами в полемику.

В частности, названные последними монографии выполнены в масштабах губерний. Для показа особенностей происходивших в них событий и влияния таковых на развитие революционного процесса в более широком масштабе явно недостает сравнения Енисейской и Томской губерний с другими губерниями Сибири. Учитывая огромные просторы Енисейской и Томской губерний, имевших по несколько уездов, в крайнем случае можно

было бы использовать компаративистский подход для анализа того, что и как делалось в разных уездах внутри изучаемых губерний. Картина исторических событий от такого приема получилась бы более полной, насыщенной, противоречивой, но и точной.

В совокупности современная российская историография в основном преодолела классовую трактовку революционного процесса, апологетическую интерпретацию деятельности левых радикалов. Однако она еще не смогла выявить совокупность источников, мотивов и факторов радикализации значительной части слоев населения Сибири, которая явно усиливалась от марта к октябрю 1917 г.

Предметом настоящего исследования является революционный процесс в Сибири в марте — октябре 1917 г. Цель статьи — выяснение акторов и факторов, оказавших решающее влияние на расширение и углубление революционного процесса в Сибири. Для достижения этой цели были поставлены задачи установить ключевые события, тенденции, этапы и результаты развития революционного процесса в изучаемый период.

Решение сформулированных задач достигалось при помощи использования традиционных методов исторического поиска, которые дополнялись и корректировались с учетом предмета исследования, состояния источниковой базы, наработок специалистов в области революциологии, новой политической истории и политической антропологии.

Территориальные рамки настоящего исследования общепринятые для периода февраля — октября 1917 г. Это Сибирь, включавшая в то время восемь административно-территориальных образований: Тобольская, Томская, Енисейская и Иркутская губернии, Акмолинская, Семипалатинская, Забайкальская и Якутская области.

Хронологические рамки статьи относительно узкие, охватывающие всего восемь месяцев 1917 г. Такой ограниченный временной диапазон объясняется традиционной спецификой, характерной для периодов революций: их исключительным динамизмом, плотной насыщенностью фактами, действующими лицами и противоречивыми событиями, когда отдельные дни по своему значению иногда приравнивались к неделям и месяцам. Нижняя граница — конец февраля 1917 г. — обусловлена началом ликвидации царской администрации в Сибири и заменой ее революционными властными структурами, инициированными получением сведений о государственном перевороте в Петрограде. Верхняя граница — конец октября 1917 г. — объясняется возникновением глубокого кризиса и появлением в Сибири двух альтернативных общественно-политических сил, претендовавших на взятие в ней государственной власти.

Источниковая база статьи исключительно обширна, разнообразна по своей типологии, классовому происхождению и достоверности. Она включает документальные и мемуарные издания, газетную и журнальную периодику различных политических партий и общественных организаций, архивные документы и материалы.

В силу специфики исследуемой проблемы и состояния источниковой базы основной фактический материал был почерпнут из газет. Предпочтение газетам отдавалось по нескольким причинам. Количество их наименований составляет несколько десятков, а объем имеющейся в них информации не уступает сведениям архивных фондов о событиях 1917 г. К тому же политическая альтернативность периодической печати позволяет избежать односторонности и субъективности в оценке фактов, событий, процессов, поведения людей и партий. Большинство газетных и журнальных сведений относительно легко верифицируется. Главный недостаток газет как исторического источника заключается в неполноте их комплектов, рассредоточенности по архивам и библиотекам, в плохой сохранности и состоянии, что затрудняет работу с текстами.

Результаты исследования

Первые дни революции

Двадцать третьего февраля 1917 г. в Петрограде начались антиправительственные выступления горожан и войск гарнизона, приведшие через неделю к свержению самодержавия и установлению новой власти. Но сибиряки в течение нескольких дней ничего не знали об этих революционных событиях, так как на публикацию в газетах телеграмм Петроградского телеграфного агентства, содержащих информацию о столичных новостях, местные власти наложили запрет.

Первую официальную информацию о том, что в столице «старая власть пала», сибиряки получили по железнодорожному телеграфу. 2 марта власти Иркутского и Степного генерал-губернаторств прекратили информационную блокаду. 2—4 марта почти во всех местных газетах была опубликована важнейшая информация, подтверждавшая первоначальные сведения о государственном перевороте и не оставлявшая сомнений в победе революции в столице.

Фактически первым днем революции в Сибири стало 2 марта. В крупных и большей части средних городов официальные сведения о победе революции в Петрограде мгновенно и радикально изменили политическую обстановку. Их жители, интересовавшиеся политикой, осаждали редакции газет и типографии в надежде получить новейшую достоверную информацию о событиях в столице.

Общественность Сибири прекрасно сознавала, что успех революции в Петрограде нуждается в поддержке и в организационном закреплении на локальном уровне. 4 марта 1917 г. Иркутский исполнительный комитет общественных организаций телеграфировал председателю Государственной думы М. В. Родзянко, членам Думы А. Ф. Керенскому и Н. С. Чхеидзе, что «он взял управление местными делами в свои руки. Задачи комитета — поддерживать в борьбе против остатков старой власти Временное правительство, признанное населением и гарнизоном города Иркутска» [26, л. 14].

Со 2 по 7 марта почти во всех областных, губернских и уездных городах Сибири были созданы новые органы власти и управления. В дальнейшем они получили обобщенное название комитетов общественной безопасности (КОБов) [46, с. 6—13; 131, с. 34]. Приведенный фактический материал ставит под сомнение утверждение М. В. Шиловского о том, что политический процесс «происходил здесь более замедленно» [129, с. 33].

Как правило, КОБы создавались стихийно снизу творчеством тех людей, которые были противниками старого режима, приняли революцию и решили поддержать Временное правительство. Состав КОБов крупных городов отличался исключительным разнообразием. Их членами являлись гласные городских дум, руководители биржевых, военно-промышленных комитетов и кооперации, политические ссыльные, торговцы, предприниматели, юристы, журналисты, чиновники, служащие, священники, офицеры, солдаты, приказчики, ремесленники, рабочие, студенты.

В большинстве КОБов крупных городов были представлены все социальные слои и группы населения, кроме местной верхушки бывших деятелей царского режима, служащих жандармерии, полиции и черносотенцев-монархистов. В политическом отношении члены КОБов исповедовали разные взгляды. Среди них имелись беспартийные и либералы, демократы и социалисты, анархисты и националисты. Членов КОБов объединяло не только прошлое — борьба против царизма, но и настоящее, а также ближайшее будущее: поддержка программы Временного правительства и ставка на Всероссийское Учредительное собрание как хозяина земли русской. Фактически КОБы стали воплощением широкой коалиции либерально-демократических и социалистических сил на местах, за-

давали тон в которой в большинстве случаев умеренные социалисты: меньшевики, эсеры и энесы [8, с. 64, 67—69, 74—80; 30, с. 40—41; 31, с. 110—111; 46, с. 15—17].

Сначала в руководящих органах КОБов Сибири «первую скрипку» играли бывшие политические ссыльные. Но постепенно, по мере их отъезда на места постоянного проживания, руководство КОБаами переходило к местной общественности. За триста с лишним лет своего пребывания в составе России Сибирь никогда не знала столь высоких темпов мобильности административно-политической элиты края. За первую декаду марта 1917 г. произошел резкий разрыв в преемственности ее развития. На смену царской бюрократии пришла новая генерация администраторов, в значительной мере рекрутировавшаяся из прежней контрэлиты [130, с. 173].

Кто-то из деятелей Петроградского Совета предложил устроить 10 марта 1917 г. праздник по случаю свержения монархии в России. Призыв столичного Совета был услышан в России и довольно широко поддержан. В Сибири на это предложение откликнулись Барнаул, Бийск, Верхнеудинск, Каинск, Красноярск, Мариинск, Омск, Томск, Тюмень, Чита, переименовав его в «Праздник свободы». Праздник проходил по-разному, но, как правило, включал богослужение в церквях и храмах, торжественные молебны на главных площадях с участием тысяч горожан и военнослужащих, парад войск гарнизона и демонстрации гражданского населения, собрания и митинги, на которых звучали речи в честь свободной России, в поддержку Временного правительства, за демократическую республику и Учредительное собрание. Победа в России и в Сибири над царским режимом была одержана бесповоротно.

Дальнейшее развитие революции

Казалось, «Праздник свободы» стал «девятым валом» революции в Сибири, после которого постепенно должно было наступить ее успокоение. Однако революция не затихла. Напротив, вырвавшись на сибирские просторы, она продолжала развиваться вширь и вглубь. Согласно газетным сообщениям того времени, население Сибири едва ли не повсеместно радостно или благожелательно встретило информацию о свержении царской власти, активно приступило к упразднению старой администрации и формированию новых органов управления.

К концу марта 1917 г. во всех мелких городах, рабочих поселках, рудниках и на станциях железных дорог были созданы выборные КОБы, взявшие власть в свои руки. Намного дольше, примерно до конца весны — начала лета 1917 г., затянулся процесс формирования новых волостных и сельских органов управления, в своем большинстве получивших название комитетов, исполнительных комитетов или КОБов. Инициаторами их создания стали специально командированные горожане, местные агрономы, врачи, учителя, священники, грамотные крестьяне. Как правило, выборы происходили на собраниях и митингах без соблюдения демократических норм и правил, а состав вновь созданных органов власти отличался исключительной пестротой в социальном и партийном отношениях.

Изначально КОБы создавались для недопущения вакуума, который мог возникнуть в процессе перехода власти из одних рук в другие, для обеспечения порядка на подведомственной им территории и безопасности населения, а также для содействия Временному правительству. Возникнув в качестве городских, КОБы сразу же распространили свою компетенцию на близлежащие уезды, на губернии и области в целом. Большинство из них официально объявили населению, что являются высшими органами государственной власти на местах, подчиненными Временному правительству. Специальные публикации последних лет свидетельствуют о том, что КОБы были общественными институтами по своему происхождению. Но фактически, на деле они быстро превратились в местные ор-

ганы государственной власти, несмотря на попытки Временного правительства сначала не признавать их в качестве таковых [46, с. 25—26; 30, с. 39, 45; 111, с. 457].

Главная задача, которую немедленно пришлось решать КОБам, заключалась в выработке и реализации грамотной политики по отношению к государственным структурам свергнутой царской власти. Почти все служащие старой администрации, начиная от губернаторов и жандармских полковников и кончая околоточными и тюремными надзирателями, реагируя на перемену верховной власти в стране, заявили о своей готовности служить Временному правительству и признали власть КОБов.

Однако лояльность крупных царских чиновников не стала гарантией их оставления не только на службе, но даже на свободе. По распоряжениям КОБов почти сразу же были произведены аресты генерал-губернаторов, губернаторов, начальников жандармских управлений, полицмейстеров и некоторых уездных исправников. Через два-три дня лишению свободы подверглись офицеры и нижние чины жандармских управлений и пунктов, часть сотрудников полиции и армейских офицеров, подозревавшихся в монархических настроениях, некоторые члены Союза русского народа. Об их арестах широко сообщалось в местных газетах.

Тогда же КОБы повсеместно упразднили жандармские управления, а их сотрудников подвергли аресту. Как правило, через несколько дней нижних чинов освобождали, а офицерский и унтер-офицерский состав передавали в распоряжение уездных воинских начальников для последующей отправки на фронт.

Полицейские управления в большинстве губернских, областных и уездных городов Сибири также были ликвидированы, а их сотрудники уволены. Вместо упраздненной полиции новая власть срочно создала временную народную милицию. Она формировалась в основном из добровольцев, среди которых было много учащейся молодежи и бывших солдат.

Иначе поступили Омский коалиционный комитет и Тобольский КОБ. Поскольку в Омске городская и уездная полиция заявили о своем полном подчинении комитету, он ограничился отстранением от должности только полицмейстера и его помощника и призвал население исполнять все законные требования остальных чинов полиции. В Тобольске по этой же причине полицию упразднять не стали, а подчинили уполномоченному КОБа. Но при этом чинов наружного наблюдения лишили оружия, оставив его только сотрудникам сыскальной полиции [5; 13].

Благодаря упразднению жандармерии и полиции были ликвидированы две главные опоры, на которых держался царский режим на местах. Довольно серьезную кадровую чистку КОБы осуществили также в судебных органах. Но основная часть старого губернского, областного и уездного исполнительного аппарата, не выполнявшая репрессивных функций, была сохранена в неизменном виде. Иркутский исполнительный комитет общественных организаций, например, прямо ориентировал население на «возможно полное использование бюрократической машины, налаженной старой властью». Он разрешил устранять только тех должностных лиц, которые активно противодействовали новому порядку, представляли опасность для дела свободы или не соответствовали занимаемым должностям. Такая установка была вполне разумной. В условиях Сибири, испытывавшей недостаток квалифицированных специалистов и даже просто грамотных людей, разрушение всего старого государственного аппарата могло обернуться потерей управления.

С большой тревогой ожидала новая местная власть реакцию на происходившие события командного состава и солдат местных гарнизонов. Однако среди генералов и офицеров нашлось всего несколько человек, которые вспомнили о том, что когда-то они

присягали на верность российскому императору. Оба командующие военными округами, большинство начальников гарнизонов и командного состава дислоцировавшихся в Сибири воинских частей почти сразу же заявили о себе как о сторонниках Временного правительства. Они публично продемонстрировали свою лояльность, выведя подчиненных им военнотружущих на улицы и площади городов под красными знаменами. Полковые оркестры вместо привычного «Боже, царя храни» без устали играли гимн чужой страны, превратившийся в гимн российских революционеров, — французскую «Марсельезу».

Текущими приоритетными задачами для КОБов стали освобождение политических заключенных, каторжан и ссыльнопоселенцев, забота о продовольственном обеспечении горожан, борьба с пьянством, осведомление сельского населения о революции и помощь ему в реорганизации аппарата управления.

Как известно, всякая революция не только карает злодеев, но и чтит павших и живых героев. В «каторжной» Сибири было в достатке не только первых, но и вторых. Местные КОБы по собственной инициативе освободили из тюрем сотни политических заключенных и каторжан. К 19 марта только Иркутский комитет помощи амнистированным отправил на родину 970 человек [59]. Некоторые из них не имели никакой одежды и обуви, кроме арестантской, и после многих лет пребывания в тюремных замках были измождены и больны. Каторжан и ссыльных снабдили необходимыми средствами для возвращения на родину, обеспечили проезд по железной дороге, организовали торжественные встречи с населением на крупных железнодорожных станциях.

Особенно большой популярностью пользовались у сибиряков депутаты социал-демократической фракции Государственной думы II и IV созывов, а также «бабушка русской революции» Е. К. Брешко-Брешковская, находившаяся последнее время в ссылке в Минусинском уезде. По пути из Минусинска «бабушку» торжественно встречали в Ачинске, Тайге, Новониколаевске, Барабинске, Омске [114; 115].

В Новониколаевске Е. К. Брешко-Брешковская согласилась задержаться на сутки. От вокзала до Николаевского проспекта ее сопровождала процессия горожан, певших революционные песни. На проспекте численность толпы увеличилась, в ней появились красные флаги, оркестр музыкантов, стихийно возникла грандиозная демонстрация. 9 марта в зале городского корпуса состоялся митинг, на котором Е. К. Брешко-Брешковская выступила с проникновенной речью. «Всю свою жизнь, — заявила она, — я верила в народ, всю свою жизнь стремилась послужить ему, и я не знала случая, чтобы вера моя в него поколебалась. И теперь, видя вас, говоря с вами, я глубоко счастлива» [20].

В свою очередь бывшие политические ссыльные и каторжане не остались в долгу, не ограничились словами благодарности за оказанное внимание и помощь. Многие из них выступили перед сибиряками, убеждая их поддержать Временное правительство. «Задача дня, — говорил, например, на митинге в Ачинске известный большевик Л. Б. Камнев, — укрепление нового правительства, безусловная его поддержка, выполнение всех его распоряжений» [34].

По инициативе КОБов в городах начался учет продовольственных запасов у торговцев, обследование подвалов, складов и хранилищ, поскольку по слухам в них имелись запасы съестного. Оптовый вывоз товаров из городов был запрещен, а для торговли хлебом открыли новые лавки.

Еще более решительно началась борьба с пьянством. КОБы запретили ввоз в города и выкурку «самосидки», браги, пива и других хмельных напитков. Магазинам, ресторанам, частным лицам запрещалась продажа вина и других спиртных изделий, а отпуск спирта и вина в лечебных целях из аптек был поставлен под контроль. У граждан, нарушавших

установленный порядок, спиртное конфисковывали, их самих приговаривали к денежным штрафам, а фамилии нарушителей публиковали в газетах.

Новые поселковые и сельские органы власти лишали полномочий, а иногда даже изгоняли с мест проживания участковых крестьянских начальников, упразднили полицейские управления и часть лесничеств, а их сотрудников разоружили, некоторых даже арестовали. При этом не обходилось без эксцессов со стороны населения: избиения крестьянских начальников, станowych приставов, урядников, лесничих и объездчиков, разгрома хлебозапасных магазинов и частных торговых заведений [14, с. 3; 15, с. 3; 116].

Правда, на селе сразу же возникли проблемы с уплатой налогов. Крестьяне, почувствовав ослабление налоговой «узды», стали уклоняться от выполнения своих гражданских обязанностей. По данным Томской казенной палаты, в январе 1917 г. оброчной подати поступило на 17% больше, чем в январе 1916 г., в феврале 1917 г. — на 19% больше, чем в 1916 г., тогда как в марте 1917 г. — на 42% меньше, чем год тому назад. Причем такая картина наблюдалась по всем уездам. Ряд волостей в марте 1917 г. не заплатил ни копейки [26, л. 129 об.].

Аналогичная ситуация возникла в Иркутской губернии. Исполком общественных организаций Иркутска обратился к населению с разъяснением о том, что до введения новой демократической налоговой системы старые подати и налоги должны поступать непрерывно [58]. Под влиянием информации о событиях, происходивших в столице и в городах, непослушания и агрессии со стороны крестьян большая часть старой администрации, отвечавшей за порядок в сельской местности, весной 1917 г. самоупразднилась, а новая власть еще не утвердилась и местами даже не установилась. Такое развитие событий вселяло обеспокоенность за положение в деревне, грозило непредсказуемыми последствиями.

Взаимоотношения правительства и местной общественности

Временное правительство стремилось контролировать развитие ситуации на местах и реагировать на импульсы, которые шли снизу. Сначала оно не признало КОБы Сибири своими местными органами власти и не передало им правительственные функции. Оно внушало населению мысль о том, что КОБы являются всего лишь разновидностью общественных организаций, основная задача которых заключается не в управлении делами на местах, а только лишь в объединении населения вокруг правительства и его представителей-комиссаров. Чтобы закрепить в сознании масс именно такой порядок, 8 марта 1917 г. Временное правительство приняло решение учредить «Комиссариат для управления Сибири».

На должности комиссаров правительство назначило людей, известных общественности Сибири по своей предыдущей деятельности. Это были бывший депутат Государственной думы I и II созыва от Сибирского казачьего войска, член Государственного совета И. П. Лаптев, назначенный в Омск комиссаром Степного края; член Государственного совета бывший ректор Томского технологического института, профессор, кадет по политическим взглядам Е. Л. Зубашев, назначенный в Енисейскую и Томскую губернии; депутат Государственной думы IV созыва народный социалист А. С. Суханов, назначенный комиссаром Тобольской губернии; товарищ председателя Всероссийского союза городов, ученый-геолог профессор П. И. Преображенский, получивший должность комиссара Иркутской губернии и Забайкалья. Обязанности комиссара по Якутской области позднее были возложены на находившегося в ссылке депутата Государственной думы IV созыва большевика Г. И. Петровского [27, л. 6; 44, с. 56; 113; 124].

Но общественность Сибири не стала ждать решений Временного правительства по назначению комиссаров и предприняла срочные меры по замещению этих должностей

своими выдвиженцами. 4 марта исполком общественных организаций Иркутска назначил на должность Иркутского губернатора (комиссара) беспартийного А. И. Лаврова, служившего в течение пяти предыдущих лет управляющим местной казенной палатой [54; 77, с. 11].

Тогда же для управления Акмолинской областью Омский коалиционный комитет назначил члена окружного суда И. П. Законова временно исполняющим обязанности губернатора, а председателя механического отдела областного военно-промышленного комитета гражданского инженера Н. И. Лепко — вице-губернатора. По распоряжению коалкома 14 марта И. П. Законов вступил во временное исполнение обязанностей комиссара по Степному генерал-губернаторству, а Н. И. Лепко заменил его на посту временно исполняющего обязанности губернатора.

Прибывший 16 марта в Омск И. П. Лаптев день спустя официально вступил в управление Степным краем. Но реально его права были сразу же сведены к нулю. Омский коалком настоял на передаче большинства функций по управлению Степным краем своему выдвиженцу И. П. Законову. И. П. Лаптев вынужден был подписать приказ, в соответствии с которым все распоряжения по Степному генерал-губернаторству впредь должны были «исходить от Омского коалиционного комитета за подписью назначенного последним комиссара по управлению Степным генерал-губернаторством И. П. Законова» [5; 6; 100, с. 253; 119].

Томский КОБ, считая положение требующим принятия экстренных мер, 5 марта учредил для временного управления губернией комиссариат из трех лиц. Ими стали видные общественные деятели демократической ориентации: неперменный член по крестьянским делам Томского губернского управления А. А. Барок (беспартийный), сотрудник переселенческого управления, помощник заведующего переселением в Томском районе М. А. Воскобойников (беспартийный) и присяжный поверенный П. В. Вологодский (близкий к эсерам беспартийный). По просьбе КОБа через три дня Томский губернский комиссариат в указанном составе был утвержден Временным правительством [81, с. 46; 110; 112].

В первых числах марта Тобольское присутствие губернских установлений и временный комитет общественного спокойствия обратились в Совет министров с просьбой назначить на должность комиссара губернии председателя КОБа В. Н. Пигнатти. Временное правительство вошло в положение тоболяков и 13 марта удовлетворило их просьбу. Прибывший в губернию А. С. Суханов не стал конкурировать с В. Н. Пигнатти за место, а рекомендовал ему занять должность, обещая свое содействие [130, с. 170—171]. Поскольку Е. Л. Зубашев никак не проявлял себя в качестве комиссара Енисейской губернии, 12 апреля Красноярский КОБ назначил на эту должность своего председателя В. М. Крутовского [54].

Резко отрицательно отреагировала на назначение Временным правительством комиссаров социалистическая общественность Иркутска и Томска. Она полагала это нарушением принципов демократии и считала, что назначение комиссаров является прерогативой местных революционных властей. Прибывший 21 марта в Иркутск П. И. Преображенский разделял такую позицию. В течение суток он ознакомился с ситуацией в городе, пришел к выводу, что местные власти находятся на должном революционном уровне, и 22 марта посчитал свое пребывание в Иркутске излишним [60]. В середине мая под влиянием критики социалистов о сложении с себя обязанностей Томского губернского комиссара заявил Е. Л. Зубашев [130, с. 171—173].

Тем самым в противостоянии с Временным правительством местная общественность смогла провести на должности областных и губернских комиссаров своих ставленни-

ков. В большинстве случаев ими стали председатели КОБов, в том числе Б. М. Ган в Томске, А. Н. Кругликов в Иркутске, В. М. Крутовский в Красноярске, А. М. Огороков в Барнауле, В. Н. Пигнатти в Тобольске. Что касается уездных комиссаров, то они, как правило, назначались губернскими комиссарами самостоятельно или утверждались ими по представлению съездов населения, съездов крестьянских депутатов или общественных организаций. Летом 1917 г. большинство областных, губернских и уездных КОБов прекратили свое существование. Произошло это по разным причинам. Главной из них являлось усиление власти комиссаров Временного правительства, которым КОБы передали свои дела и исполнительный аппарат. Повлияли выборы в органы городского и земского самоуправления, которые обладали большей легитимностью и «вытеснили» КОБы из властного пространства. Наконец, в Омске КОБ был упразднен в конце августа 1917 г. по требованию левых радикалов, руководимых социал-демократом интернационалистом К. А. Поповым. Дольше всех, до конца 1917 г., просуществовали областной и уездные КОБы в Забайкальской области [135, с. 189—190].

Главным средством, с помощью которого Временное правительство намеревалось взять под контроль ситуацию в Сибири, было реформирование местной власти — органов городского и земского самоуправления. С этой целью правительство приняло ряд нормативных актов, регламентировавших деятельность органов местного самоуправления. Сначала 15 апреля 1917 г. оно приняло постановление о производстве выборов гласных городских дум.

21 мая 1917 г. Временное правительство сделало еще один шаг в этом же направлении. Оно приняло Временное положение о волостном земском управлении, а 17 июня опубликовало постановление о введении в Сибири земства. В июне — июле были внесены изменения в положения об общественном управлении городов, о губернских и уездных земских учреждениях. Правительство потребовало от губернских и уездных комиссаров закончить проведение городских выборов в июне-июле, а земских — не позднее сентября 1917 г.

Избирательная кампания по выборам в городские думы и земства активизировала деятельность всех политических и общественных организаций. Тем не менее уложиться в определенные правительством сроки не удалось. Выборы в городские думы затянулись до начала ноября, а в земство в сельской местности не были закончены в некоторых уездах даже ко времени их упразднения Советской властью в марте — апреле 1918 г.

Ход и результаты выборов в думы разных городов и в земские учреждения губерний и областей сильно различались. В большинстве городов серьезная борьба шла между тремя главными политическими силами. Умеренные социалисты в лице меньшевиков, эсеров и примыкавших к ним групп, в число которых входила даже часть умеренных большевиков, создали так называемые избирательные «социалистические блоки». Им с одной стороны противостояли кадеты, поддерживавшиеся торгово-промышленной буржуазией и домовладельцами, с другой — левые радикалы в лице большевиков и интернационалистов.

В целом по Западной и Восточной Сибири победу одержал «социалистический блок». Принадлежавшие к нему гласные составляли 57,7% в губернских и 46,1% в уездных городах, тогда как кадеты набрали соответственно 11,4 и 3,5%, а большевики — 15,0 и 3,8% [104, с. 70—77]. Результаты выборов в городские думы давали основание считать, что Временное правительство имеет поддержку как минимум со стороны половины взрослого городского населения.

Намного сложнее выяснить результаты выборов в земство. Бытует мнение, что сибирское крестьянство выборы в них бойкотировало. Однако такое утверждение едва ли

соответствует действительности. Знаток сибирской жизни В. М. Крутовский считал, что свой гражданский долг выполнили около 35% имевших право голоса, и назвал ряд причин, обусловивших такой результат: усталость крестьян от многочисленных выборов, непонимание большинством сибиряков значения земства, дискредитация большевиками идеи земства как буржуазной затеи, отсутствие разъяснительной работы и инструкторов по выборам, непонимание системы тайных выборов, террор со стороны большевиков и их сторонников.

«Многие волостные присутствия по выборам, — утверждал В. М. Крутовский, — были разогнаны силой, списки уничтожены; во многих местах уже в день выборов солдатами были разогнаны выборщики, разбиты ящики и даже арестованы члены присутствия. Понятно, при подобных обстоятельствах выборы не могли пройти гладко и во многих местах не состоялись, в других прошли с нарушением всяких порядков, кое-как, и только в некоторых — вполне нормально» [76, с. 59—60].

Судя по новейшим исследованиям, удельный вес принявших участие в земских выборах был выше. По уездам Енисейской губернии этот показатель колебался в диапазоне от 40 до 60% [30, с. 58—59].

Данные по Енисейской и Иркутской губерниям, Забайкальской области говорят о том, что подавляющее большинство избранных в них волостных земских гласных — 1817 из 2142 — являлись крестьянами, 161 человек — рабочими, 46 — служащими и чиновниками, 18 — солдатами, 17 — учителями, 29 раньше служили писарями. Среди них имелись члены разных политических партий — от кадетов до большевиков. Однако подавляющее большинство гласных считало себя членами партии эсеров [104, с. 85—91]. Такой результат был вполне ожидаемым, так как авторитет эсеров летом — осенью 1917 г. был высоким. Преобладание в новых органах городского и земского самоуправления умеренных социалистов позволяло решать местные проблемы в пользу демократических слоев населения. Вместе с тем Временное правительство могло опереться на органы самоуправления в своем стремлении строить в России федеративную демократическую республику.

Формирование и развитие институтов гражданского общества

Невиданная активность жителей сибирских городов, вызванная сведениями о свержении царского режима, нашла свое воплощение в создании ими всевозможных общественных и политических организаций.

В партийном строительстве тон задавали социалисты. Особенно быстро сначала росла численность организаций партии эсеров. В марте 1917 г. в Сибири возникло около 60 эсеровских структур разного уровня, в апреле — 46, в мае — 58. В их числе было пять губернских и областных комитетов, 13 — уездных, 28 — городских и 118 первичных. В летние месяцы продолжался рост в основном первичных организаций.

Наиболее крупные эсеровские организации имелись в Барнауле, Иркутске, Красноярске, Новониколаевске, на Анжерских и Судженских коях Л. А. Михельсона, на станции Тайга и в Мариинском уезде. В крупных и средних городах они состояли из служащих и солдат, в мелких городах и поселках — из служащих и рабочих, в селах — из крестьян. К маю 1917 г. в партии эсеров состояло почти 80% железнодорожников станции Тайга, около трети рабочих Анжерских копей, около 500 рабочих Судженских копей. Только в одной Томской губернии их количество составляло не менее 8 тыс. человек [128, с. 48, 55, 58—59]. Стремительный рост численности эсеров можно объяснить их дореволюционной популярностью, широкой известностью и привлекательностью главного лозунга «Земля и воля», а также низкими требованиями и условиями при приеме в партию. Случалось, что весной 1917 г. в партию эсеров записывались роты солдат и крестьяне целых деревень, не имевшие понятия о том, что она собой представляет.

Социал-демократы сначала уступали эсерам как по численности организаций, так и по количеству состоявших в них членов. К концу марта 1917 г. на территории от Кургана до Читы имелось около 30, через месяц — примерно 40 местных организаций. На проходившем 5 марта в Иркутске первом собрании членов РСДРП присутствовало 150—200 человек [9, с. 74]. В Минусинске, где имелась большая колония политических ссыльных, первоначально организация РСДРП насчитывала 30—40 человек [16, с. 44]. К концу марта самыми крупными, насчитывавшими не менее сотни членов, являлись Иркутская, Канская, Красноярская, Омская и Томская организации. Если в конце марта общая численность социал-демократов в Сибири не превышала тысячи человек, то уже к 20-м числам апреля она достигла 4,5 тыс. человек [133, с. 170]. Социал-демократические организации повсеместно создавались как единые, в которые входили меньшевики-оборонцы, интернационалисты и большевики, а иногда и бундовцы.

Большую часть социал-демократов составляли рабочие и солдаты, вступившие в партию после свержения самодержавия без соблюдения уставных норм приема новых членов. Почти во всех крупных организациях РСДРП, кроме Красноярской, преобладали меньшевики, тогда как большевики имели в лучшем случае немногочисленные группы или фракции. Но среди большевиков была велика доля бывших политических ссыльных, в том числе профессиональных революционеров.

Кроме того, в Красноярске еще в марте 1917 г. образовалась малочисленная, но очень активная группа так называемых большевиков-«правдивых». Это были революционные радикалы. Своей целью они считали дальнейшее углубление революции. Для достижения этой цели они считали нужным дискредитировать Временное правительство как буржуазно-помещичье по своему составу и характеру и контрреволюционное по существу, не способное решить основные вопросы внутренней и внешней политики. Они добивались подрыва доверия к КОБам и комиссарам Временного правительства.

После Февральской революции значительно активизировались местные конституционные демократы (кадеты), переименовавшиеся в партию «народной свободы». К середине лета 1917 г. комитеты и отделы партии народной свободы образовались как минимум в двух десятках губернских, областных и уездных городов. Наиболее крупные ее организации имелись в Омске, Иркутске, Красноярске и Томске. В апреле 1917 г. омская организация насчитывала около 400, а иркутская, красноярская и томская — до 300 человек. Кадетские организации состояли в основном из высшего слоя интеллигенции и служащих, а также предпринимателей.

Позднее, в основном в апреле — июле 1917 г., возникли первичные организации народных социалистов (энесов). Они существовали главным образом в областных, губернских и нескольких уездных городах. Численность самой крупной из них, Омской, летом не превышала 100 человек. Опорой энесов являлись средняя интеллигенция и служащие [125, с. 12—117].

В ряде городов и поселков возникли местные организации Бунда, сионистов, Польской социалистической партии — революционная фракция, Польской социалистической партии-левица, Польского социал-демократического союза, Социал-демократии Королевства Польского и Литвы, Социал-демократии Латышского края, латышских, литовских и украинских меньшевиков и эсеров, а также немногочисленные группы анархистов.

Приоритетным направлением деятельности социал-демократов и эсеров стала организация Советов. 2 марта Совет рабочих депутатов они образовали в Тюмени, 3 марта — в Ачинске и Иркутске, 4 марта — в Бодайбо, Новониколаевске и Чите, 5 марта — в Барнауле и Киренске, 6 марта — в Черемхово, 7 марта — в Тобольске. 4 марта Совет

солдатских (военных) депутатов был создан в Чите, 5 марта — в Иркутске и Томске, 7 марта — в Барнауле. 3 марта Совет рабочих и солдатских (военных) депутатов возник в Красноярске и Омске, 6 марта — в Верхнеудинске и Нижнеудинске, 9 марта был учрежден совет офицерских депутатов Томского гарнизона.

В течение недели после официального объявления о победе революции, со 2 по 10 марта, на территории Сибири были организованы как минимум 36 Советов: 18 Советов рабочих депутатов, 10 Советов солдатских (военных) депутатов, один Совет офицерских депутатов, один гарнизонный Совет, пять Советов рабочих и солдатских (военных) депутатов, один Совет рабочих, солдатских и казачьих депутатов. Первые Советы возникли в крупных городах, где их главной опорой стала солдатская масса гарнизонов, а также там, где имелись кадры пролетариев: на железнодорожных станциях (Зима, Иланская, Слюдянка), в рабочих поселках (Жигалово), на приисках (Надеждинский), копиях (Арбагарские, Черемхово) и рудниках (Кольчугино) [8, с. 56—57; 48, с. 17, 21—27; 110, с. 658—671].

К концу марта 1917 г. в Сибири действовало 63 Совета различных типов. 29 из них были Советами рабочих депутатов, 18 — Советами рабочих и солдатских (военных) депутатов, 12 — Советами солдатских (военных) депутатов, два — Советами офицерских депутатов и два гарнизонных Совета.

По несколько завышенным данным, к середине 1917 г. Советы имелись в 34 городах и 37 рабочих поселках Сибири, т.е. примерно в двух третях населенных пунктов такого типа. Из трех десятков крестьянских Советов всего шесть были сельскими, 10 — волостными и один — районным [8, с. 61, 102—105]. Это означало, что основная масса населения Сибири оставалась вне сферы советского влияния.

Руководителями Советов являлись в основном умеренные социалисты — меньшевики и эсеры. Несколько Советов первого состава возглавляли профессиональные революционеры. Так, председателем Омского Совета рабочих и солдатских депутатов был меньшевик-интернационалист К. А. Попов, Новониколаевского Совета рабочих и солдатских (военных) депутатов — меньшевик В. И. Герман-Каменский, Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов — меньшевик-интернационалист Я. Ф. Дубровинский, Барнаульского Совета рабочих депутатов — меньшевик В. И. Шемелев. В Иркутске председателем Совета военных депутатов был избран эсер поручик А. А. Краковецкий, Совета рабочих депутатов — меньшевик Л. И. Гольдман, Канского Совета солдатских депутатов — эсер прапорщик Р. П. Эйдеман, большевик В. М. Серов стал председателем Верхнеудинского Совета рабочих и солдатских депутатов. Но при этом большевики имели довольно сильное влияние в Красноярском Совете рабочих и солдатских депутатов и в Томском Совете солдатских депутатов [47, с. 110—112].

В Сибири Советы сразу же признали КОБы в качестве местных органов государственной власти и безоговорочно подчинились им. Здесь, в отличие от Петрограда и некоторых других городов, они не претендовали на власть и никакого двоевластия не существовало. Умеренные социалисты поддерживали Временное правительство и местные КОБы. Исключение составил лишь Красноярск, где 6 марта было организовано Соединенное исполнительное бюро КОБа и Совета рабочих и солдатских депутатов. С помощью этого Бюро Красноярский Совет пытался через КОБ действовать как орган государственной власти, за что Красноярск получил в революционных кругах название «сибирского Кронштадта». Но В. М. Крутовскому, ставшему Енисейским губернским комиссаром, при поддержке Временного правительства удавалось сначала отбить настойчивые требования Красноярского совдепа финансировать его деятельность, а затем и упразднить Соединенное исполнительное бюро, утвердив свое единоначалие.

Тем более не приходится говорить, в отличие от М. В. Шиловского, о существовании какого-то многовластия в других административных центрах Сибири. Вот что, например, докладывал 1 августа 1917 г. Министерству внутренних дел правительственный комиссар Томской губернии Б. М. Ган, который не являлся сторонником жесткой властной вертикали: «Попытки общественных организаций выступать в качестве органов власти или не наблюдались, или встречали со стороны комиссариата и со стороны органов местного самоуправления надлежащее противодействие» [25, л. 90].

Победа революции открыла шлюзы для развития в Сибири периодической печати. Если в феврале 1917 г. здесь выходило 33 газеты, то в марте их стало 72, в апреле — 81, в мае — 88, в июне — 94, в сентябре — 101. Газетная сеть Сибири была нестабильной: одни из них прекращали свое существование, другие — возникали, третьи — меняли партийно-политическую ориентацию. Но прослеживаются два разнонаправленных процесса: уменьшение удельного веса частновладельческих изданий (с 43,1% в марте до 28,7% в сентябре), с одной стороны, и увеличение партийных и советских газет (соответственно с 29,2% до 47,5%) — с другой. Причем за прошедшие полгода с 11 до 22 наименований увеличилось количество эсеровских газет, с 4 до 10 — общедемократических, с 28 до 32 — эсеро-меньшевистских, с 20 до 22 — кадетских. Имелись также три большевистских и одно левозеро-эсеро издание, которых не было в марте [69, с. 208, 210, 212]. Но к концу лета наметилась тенденция к увеличению леворадикальной прессы.

По инициативе и при активном участии социал-демократов, под патронажем КОБов и Советов рабочих депутатов осуществлялась организация рабочих и служащих по профессиям. В Сибири сначала наибольшей активностью отличались служащие. Позднее свои профсоюзы создали наиболее многочисленные отряды рабочих: металлисты, грузчики и чернорабочие, железнодорожники, горняки, деревообделочники. Затем организовались труженики малочисленных профессий. К июлю 1917 г. в Сибири возникло 352 профсоюза [30, прил., табл. Б2; 32, с. 28—31; 126, с. 13, 17—155]. Тем не менее к лету 1917 г. от 20 до 60% рабочих и служащих городов и промышленных районов Сибири оставались не охваченными профсоюзными организациями [52, с. 152—153].

Стремительно продолжала нарастать общественная активность национальных меньшинств Сибири. Из ее коренного населения наибольшей самостоятельностью выделялись буряты, татары и якуты, являвшиеся самыми многочисленными этносами, из пришлого нерусского населения — евреи, латыши, поляки, украинцы, немцы и корейцы. Формами их национальной самоорганизации стали различного рода общества, комитеты, клубы, советы, союзы и т.п.

В зависимости от того, какие цели ставили перед собой та или иная диаспора в целом или ее национальные структуры, формулировались сферы и определялись направления их деятельности. Одни из них занимались преимущественно культурно-просветительной работой, другие — благотворительностью. Большинство главное внимание уделяли политической деятельности, поскольку были созданы для достижения национального самоуправления или национальной автономии [80, с. 120—170]. Исключением являлись польские военные комитеты и союзы военных поляков, поставившие своей задачей создание из находившихся в Сибири и на Дальнем Востоке военнотружеников поляков национальных воинских частей.

Возникали и другие общественные организации. В сельской местности стремительно продолжала расти сеть разных форм кооперации, особенно потребительской. В ряде уездов по инициативе эсеров создавались беспартийные крестьянские союзы. На отдельных городских предприятиях появились фабрично-заводские комитеты, на рудниках и

шахтах — советы старост и революционные рабочие комитеты, в гарнизонах — солдатские комитеты.

По мере роста числа различных первичных партийных и низовых общественных организаций осуществлялась работа по их объединению. Как правило, сначала она велась в пределах городов, губерний и областей, иногда — в масштабах Западной, Восточной или всей Сибири. Для этого проводились конференции, совещания, съезды. На них обсуждались наиболее злободневные вопросы общероссийской и местной жизни, вырабатывались соответствующие решения, выбирались руководящие органы.

Результаты работы этих форумов свидетельствовали о том, что общественно-политические процессы в Сибири развивались в тех же направлениях и формах, как и в России в целом. Участники большинства из них цель существования институтов гражданского общества видели в выкорчевывании остатков царского строя и в укреплении революционных завоеваний, а дальнейшие задачи — в самоорганизации рабочих, солдат и крестьян, в содействии Временному правительству и местным органам власти в развитии демократии, в доведении России до Учредительного собрания [127, с. 79, 119—120, 157—160, 163—165].

Обострение общественно-политической ситуации

Главные общественно-политические события и процессы на востоке России происходили в основном под влиянием импульсов, которые подавала столица.

Весной — летом 1917 г. Россия пережила несколько общественно-политических кризисов. Первый из них был вызван нотой министра иностранных дел Временного правительства П. Н. Милюкова, 18 апреля направленной правительствам Англии и Франции. В ней правительство опровергло слухи о возможности заключения Россией сепаратного мира и заявило о своей верности союзническим обязательствам.

На этой почве возник конфликт между правительством и Петроградским советом. Проходившая в это время Петроградская городская конференция РСДРП(б) призвала рабочих и солдат гарнизона к проведению демонстрации, а некоторые руководители большевиков — к свержению правительства. Между его сторонниками и противниками на улицах столицы произошли стычки, во время которых впервые после Февраля пролилась кровь. Под влиянием этих событий из правительства ушли военный министр А. И. Гучков и П. Н. Милюков. В целях нормализации ситуации Петроградский совет санкционировал вступление в правительство шести социалистов, в результате чего оно стало коалиционным.

21 и 22 апреля организованные большевиками демонстрации прошли также в Москве, Иваново-Вознесенске, Твери. Как и в столице, они не нашли поддержки со стороны умеренных социалистов. В восточных районах России многочисленные государственные и общественные структуры не солидаризировались с большевиками. Напротив, они выразили доверие обновленному составу Временного правительства и готовность поддерживать все его мероприятия. Единственным исключением стала заседавшая 22 апреля 1917 г. в Красноярске малочисленная Западно-Сибирская конференция РСДРП, состоявшая в основном из большевиков и интернационалистов. Она приняла резолюцию о необходимости ликвидации Временного правительства и взятия всей власти Советами [45, с. 73—74].

Следующий кризис в столице разразился в середине июня. Он был вызван недовольством рабочих и солдат политикой Временного правительства, подготовкой наступления русской армии на фронте, агитацией левых радикалов, требовавших перехода всей власти к Советам. Учитывая обстановку, ЦК большевиков запланировал 10 июня провести вооруженную демонстрацию, чтобы оказать давление на правительство и проходивший

в это время Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Но 9 июня съезд Советов запретил проведение демонстрации. Большевики были вынуждены отменить свое решение.

В качестве альтернативы руководство съезда Советов предложило большевикам провести совместную демонстрацию левых сил. Оно сформулировало лозунги, призывавшие оказать доверие правительству, добиваться объединения демократии, идти через Учредительное собрание к установлению республики, стремиться ко всеобщему миру. В противовес большевики выдвинули свои лозунги: «Долой 10 министров-капиталистов», «Вся власть Советам», «Долой царскую думу и Государственный совет», «Долой наступление».

В демонстрации участвовали около 500 тыс. человек. Они поддержали в основном требования большевиков, тогда как лозунги съезда оказались в меньшинстве. Аналогичные демонстрации прошли в ряде крупных российских городов. В Сибири единственный митинг состоялся 25 июня в Красноярске. Его устроили Сибирское районное бюро ЦК и городской комитет большевиков. Количество участников мероприятия не превышало 1500 человек. На митинге выступили вернувшийся из Петрограда большевик-«правдист» Б. З. Шумяцкий, который рассказал о событиях 9—10 июня в столице, и его однопартиец В. Н. Яковлев, проинтерпретировавший наступление на фронте как происки контрреволюции. Подавляющим большинством голосов митинговавшие приняли резолюцию, осуждавшую наступление на фронте и призывавшую к повсеместному установлению власти Советов [11, с. 89—90].

Более опасный характер имел третий кризис. Он начался в Петрограде 3-го июля как бы стихийно с выступления наиболее радикально настроенного 1-го пулеметного полка, который поддержали солдаты нескольких запасных батальонов и рабочие трех районов столицы. Общее количество вышедших на улицы и площади достигло примерно 60 тыс. человек. Местами началась перестрелка. Возглавляемый меньшевиками и эсерами Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) Советов высказался против вооруженных демонстраций. Под влиянием этого решения к утру 4 июля демонстранты разошлись.

Но в ночь с 3 на 4 июля Петербургский комитет РСДРП(б) и Военная организация ЦК большевиков приняли решение возглавить выступление солдат и рабочих, придав ему «мирный и организованный характер». Соответствующие указания были даны членам партии, находившимся в воинских частях и на заводах. Выполняя его, на улицы вышли рабочие и солдаты, а также подошедшие из окрестных городов воинские части. Их общее количество составило примерно 400 тыс. человек.

ВЦИК Советов и командование Петроградского военного округа приняли решительные меры политического и военного характера, направленные на разоружение участников демонстрации, возвращение в казармы военнослужащих, информирование населения о связях большевиков с германским Генеральным штабом. Вечером 4 июля состоялось совещание части руководства большевиков и Межрайонного комитета РСДРП. Оно выработало воззвание, призывавшее к прекращению демонстраций, которое было выполнено. Затем по распоряжению военного командования были разоружены 1-й пулеметный полк, несколько других воинских частей и отрядов Красной гвардии. Власти произвели аресты активных участников событий, в том числе нескольких лидеров большевиков и близких к ним межрайонцев, а В. И. Ленина и Г. Е. Зиновьева объявили в розыск. Газета «Правда» и около полутора десятков других большевистских изданий были закрыты. В результате в столице большевики перешли на полулегальное положение.

Июльские события в Петрограде нашли в Сибири более широкий отклик, чем два предыдущих кризиса. Подавляющее большинство правительственных структур, политических и общественных организаций осудило поведение большевиков и одобрило действия Временного правительства и ВЦИК Советов.

Прямо противоположное мнение о происшедшем высказали красноярские большевики, Томский объединенный комитет РСДРП, проходивший в Омске Второй Западно-Сибирский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, Совет солдатских депутатов Томского гарнизона, исполком Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов и общее собрание омского завода Рандрупа. В своих обращениях и резолюциях эти организации безоговорочно встали на сторону демонстрантов [11, с. 100—103; 82, с. 60, 64; 121, с. 52—53]. В поддержку петроградских рабочих и солдат большевики Сибири смогли провести манифестации в Новониколаевске и Томске. Эти акции никак не повлияли на политическую ситуацию на востоке России. В то же время местные левые радикалы не подверглись никаким преследованиям. Легально продолжали действовать их партийные организации, выходили газеты, отдельные члены РСДРП(б) работали в Советах и других общественных организациях. Фактические данные опровергают мнение В. В. Московкина, утверждавшего, что в июле 1917 г. произошло обострение политической обстановки в Западной Сибири [78].

Политическая ситуация на востоке России действительно резко обострилась в ходе и после ликвидации попытки Верховного главнокомандующего Русской армией генерала Л. Г. Корнилова установить режим военной диктатуры. Председатель правительства А. Ф. Керенский объявил Л. Г. Корнилова мятежником. По всем губерниям и областям Сибири прошла мощная волна митингов, собраний и заседаний общественных организаций, на которых попытка Корнилова квалифицировалась как контрреволюционная и подверглась решительному осуждению.

Несмотря на отсутствие со стороны правых кругов Сибири каких-либо антиправительственных выступлений, в конце августа — начале сентября 1917 г. в ряде крупных городов по инициативе представителей социалистических партий или исполкомов Совдепов явочным порядком были учреждены временные чрезвычайные органы. 29 августа в Омске был образован Западно-Сибирский объединенный комитет революционной демократии (ЗСОКРД), в Красноярске — Соединенный губернский исполнительный комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Енисейской губернии. Вслед за тем в Барнауле был организован Алтайский губернский комитет спасения революции, в Бийске — коалиционный комитет спасения революции, в Кургане — объединенный совет революционной демократии, в Новониколаевске — комитет спасения революции, в Томске — комитет охраны революции [62, с. 72—74; 75, с. 189—190].

Чаще всего в них входили представители социалистических партий, исполкомов Совдепов, городских самоуправлений, профсоюзов, иногда — местных органов государственной власти. Наиболее решительно действовал омский ЗСОКРД. Он немедленно заявил о взятии им всей полноты гражданской власти на территории Акмолинской области и военной — в границах Омского военного округа, принял решение распустить городской коалиционный комитет, отстранил от должностей областного комиссара Временного правительства Н. И. Лепко и командующего округом полковника М. П. Прединского [62, с. 72]. 1 сентября Енисейский Соединенный губисполком Советов тоже объявил населению, что он «берет в свои руки высшую власть в губернии» [45, с. 174].

В результате в ряде городов Сибири сложились новая конфигурация и соотношение социально-политических сил. Произошла консолидация умеренных и радикальных социалистов, которые стали отождествлять себя с революцией, тогда как цензовые эле-

менты, кадеты, большая часть офицерства и казачества идентифицировались ими как контрреволюция. Обострились отношения между солдатской массой и офицерами, часть из которых попала под подозрение как сторонники Л. Г. Корнилова и были смещены с должностей по требованию революционных организаций.

Одновременно резко активизировали свою деятельность Советы, в которых к тому же усилилось влияние большевиков и левых эсеров. Фактически в нескольких городах Сибири впервые сложилась ситуация двоевластия, в Красноярске и Омске — обстановка зашла еще дальше. Ее можно было характеризовать как режим революционной демократии или «однородной социалистической власти». По требованию Временного правительства от 4 сентября в большинстве городов чрезвычайные органы власти, созданные по сигналу А. Ф. Керенского для борьбы против Л. Г. Корнилова, были упразднены. Но их создание и деятельность привели к ухудшению работоспособности и снижению авторитета правительственных структур, к нарушению порядка в сфере управления.

В Омске ЗСОКРД при поддержке левых радикалов категорически отказался сдавать свои полномочия. Только 28 сентября под давлением специально прибывшего из Петрограда комиссара Временного правительства Д. Ф. Сверчкова он негласно согласился лишь на уменьшение части своих прерогатив. Вместо ограниченного в правах ЗСОКРД Д. Ф. Сверчков после совещания с членами ЗСОКРД, Акмолинского областного киргизского исполкома и Малого войскового круга Сибирского казачьего войска учредил Акмолинский областной исполнительный комитет. По рекомендации ЗСОКРД Д. Ф. Сверчков возложил исполнение обязанностей Акмолинского областного комиссара и временного комиссара Степного края на видного общественного деятеля писателя А. Е. Новоселова, являвшегося членом партии эсеров и занимавшего пост товарища председателя войсковой управы Сибирского казачьего войска. Сам А. Е. Новоселов сначала отказывался возглавить Акмолинскую область в качестве комиссара. Но Временное правительство утвердило его в обеих должностях, и 29 сентября он вступил в отправление своих обязанностей [85; 90—91; 134, с. 261—262].

Однако А. Е. Новоселов не являлся лучшей кандидатурой на пост правительственного комиссара. Он был далек от политики и не обладал харизматическими данными, столь необходимыми государственному деятелю в сложной обстановке. Это хорошо знали и понимали многие омские политики, включая самого А. Е. Новоселова.

Вот как прокомментировала омская газета выступление Акмолинского областного комиссара Временного правительства А. Е. Новоселова в городской думе после получения первой информации о большевистском перевороте в Петрограде: «Его речь чрезвычайно характерна. Уже по одной той неуверенности и по растерянности, которая звучала в ней, можно было сказать с закрытыми глазами, что это говорит представитель нашей русской власти, власти, привыкшей больше молить и просить, чем приказывать, и советовать и совещаться, чем проявлять свою инициативу. И речь комиссара внесла в сердца слушателей еще больше тревоги и страха за наш завтрашний день» [99].

Социально-экономическое положение

Вторым по значимости фактором, который со временем оказывал все большее влияние на политические настроения и поведение жителей Сибири, являлись местные социально-экономические условия. В силу многих объективных обстоятельств разные категории населения изначально находились в неодинаковом положении и имели отличные друг от друга актуальные проблемы. Под влиянием революционных событий их положение и перечень вопросов, требовавших решения, менялись. В то же время разные социальные страты испытывали общие трудности.

В ряду этих трудностей одной из главных являлся рост цен на товары и услуги, который возник в начале Мировой войны, но после Февральской революции ускорился. Основной причиной был тотальный дефицит почти всех продовольственных продуктов и промышленных товаров, который со временем только усиливался. Цены стали не просто расти, а галопировать, увеличиваясь не на проценты, а в разы.

Для того чтобы сдержать безудержный рост цен, местные власти постепенно вводили карточки на отдельные виды продуктов и товаров первой необходимости, которые продавались в магазинах и в лавках по фиксированным ценам. Но они не могли повлиять на базарных и рыночных торговцев, которые устанавливали ценники по собственному усмотрению в зависимости от наличия товара и спроса на него со стороны покупателей. Ситуацию усугубляли спекулянты и мешочники, ряды которых ширились.

Еще весной 1917 г. в сибирских городах появились первые «хвосты». Так назывались огромные очереди в магазины и лавки, которые заблаговременно занимали покупатели. Летом появились «ночные хвосты», в которых люди проводили уже не часы, а целые ночи и даже сутки. Вскоре «хвосты» стали заурядным атрибутом городской повседневности. Для горожан ситуация усугублялась дефицитом топлива — дров и угля. Разнообразные дефициты нервировали население, вызывали его недовольство, иногда приводили к конфликтам с торговцами, представителями местных властей и даже разного рода открытым эксцессам [69, с. 61—64].

Нарушение общественного порядка, угроза безопасности жизни и имуществу граждан являлись еще одной острой проблемой, беспокоившей сибиряков. Особенно широкое распространение получила и пустила глубокие корни криминальная среда в городах. Ее всплеск был вызван наводнением городов беженцами, амнистированными преступниками, нарушением условий прохождения службы военнослужащими и порядка содержания военнопленных, распространением самогонки, возникновением притонов. Малочисленные и неквалифицированные кадры милиции не могли успешно противостоять разгулу преступности [89; 90].

В начале июня 1917 г. ситуация в Томске настолько обострилась, что местная власть была вынуждена применить чрезвычайные меры. Она произвела специальную операцию, для осуществления которой в помощь милиции из гарнизона выделили 1400 солдат и офицеров. В ходе операции были произведены обыски в 111 многоквартирных усадьбах, находившихся под подозрением милиции. В них удалось задержать около 950 человек, среди которых имелись торговцы самогоном, содержатели притонов и, как утверждал начальник городской милиции, «много видных уголовных преступников» [49]. Несмотря на столь внушительную изоляцию уголовного элемента, криминогенная обстановка в Томске оставалась тяжелой.

Только за сентябрь в городе было совершено 66 простых краж и 25 краж со взломом, пять краж лошадей, три грабежа, причем два из них вооруженных, одно убийство. В лучшем случае только половину этих преступлений милиции удалось раскрыть. Кроме того, по постановлению сыскного отделения личному задержанию подверглись 49 мужчин и 12 женщин. Из них 26 мужчин и 10 женщин оказались зарегистрированными как преступники, в том числе пятеро как рецидивисты [50].

В Омске, по свидетельству местной газеты, преступность к осени приняла «прямо ужасные размеры», а убийства и грабежи даже днем стали «явлением обыденным». В середине сентября вопрос о борьбе с преступностью и обеспечении безопасности горожан рассматривался в городской думе и в Совете рабочих и солдатских депутатов. Причем когда 6 октября в городской думе обсуждался вопрос о беспорядках, была ограблена квартира ее председателя и убит его слуга [88; 90].

К концу весны 1917 г. криминогенная обстановка явно обозначилась в сельской местности, а к концу лета — на железнодорожном транспорте. Причем в обоих случаях наблюдалась тенденция к ее усугублению. Общей причиной такого развития событий являлись слабость и недостаточная авторитетность местных органов власти. В деревне ситуация обострилась из-за широкого использования продуктов самогонварения, на транспорте — из-за роста в пассажиропотоке отпускников-военнослужащих, дезертиров и мешочников.

К осени самогонварение в Сибири приняло широкие масштабы. В начале сентября 1917 г. комиссар по особым поручениям Барнаульской уездной милиции Панибратцев в селе Осколковское Панюшевской волости обнаружил девять винокуров, у которых он отнял и уничтожил восемь аппаратов и вылил 75 ведер браги и самосидки. В селе Вяткинское Ильинской волости у 17 винокуров он нашел девять аппаратов и вылил 125 ведер браги, причем был случай, когда только в одном доме обнаружили 50 ведер браги. В селе Вяткинское винокурами оказались почти поголовно все жители. Самогон гнали в жилых помещениях, в сараях, на огородах, на заимках. Винокурные заводы часто устраивали рядом с домами, крытыми соломой, что грозило пожаром. Выяснилось, что винокурами в подавляющем большинстве являлись женщины [38].

О том, насколько ситуация была тяжелой, можно судить по такому факту. Вступивший 6 сентября в должность старшего председателя Омской судебной палаты П. В. Вологодский направил председателям Барнаульского, Омского, Семипалатинского, Тобольского и Томского окружных судов циркуляр, в котором попросил их предложить всем мировым судьям округа вверенного им суда «принять самые энергичные меры к тому, чтобы по возможности не задерживать рассмотрение дел по протоколам о нарушении правил по выделке, продаже и распитию спиртных напитков, а следственным мировым судьям самым энергичным образом вести следственные действия по делам тайного винокурения и незамедлительно передавать их для дальнейшего направления подлежащим учреждениям и должностным лицам» [97].

Пассивность милиции и судебных инстанций не позволила поставить заслон волне самосудов, уже в конце лета буквально накрывшей сельскую местность. Как следствие, крестьяне сами искали и находили преступников. Чаще всего ими оказывались воры или подозревавшиеся в воровстве. Таких людей жестоко избивали, пытали, случалось — закапывали живыми в землю, а иногда даже убивали. Судя по всему, наиболее страшный самосуд в начале октября 1917 г. устроили жители села Горновое Уксунайской волости Кузнецкого уезда. В течение трех дней они подвергали избиениям и пыткам почти полтора десятка односельчан, одних из которых сделали калеками, других обрекли на мучительную смерть [51]. Самосуды свидетельствовали о том, что крестьянское сообщество постепенно утрачивало цивилизационные признаки и реанимировало архаичные практики своего бытия, которые причудливо вплетались в революционные нравы и поведение.

Для большинства жителей восточных районов России первостепенное значение имел продовольственный вопрос. Но в разных местностях его острота существенно различалась. Примерно половина Восточной Сибири и Забайкалья не располагала достаточным количеством собственных продовольственных ресурсов и значительную их часть получала из Маньчжурии. Иное положение было в Западной Сибири, где в 1915—1916 гг. имелись крупные излишки сельскохозяйственных продуктов, которые вывозились за ее пределы. При этом в Западной Сибири имелись отдельные территории, традиционно испытывавшие недостаток собственного продовольствия.

Временное правительство разработало систему мер, способных справиться с продовольственным кризисом. Главные надежды оно возлагало на введение монополии на

хлеб, на его учет у производителей, на твердые цены и нормирование потребления продовольствия и промышленных товаров, на создание сети продовольственных комитетов, организованных демократическим путем на областном, губернском, городском, уездном и волостном уровнях.

Первоначально выполнение намеченных мер внушало оптимизм. Весной — летом часть сибирских крестьян, владевших излишками, добровольно сдала их продовольственным комитетам. В середине августа на линии Омской железной дороги имелись сотни тысяч пудов хлебофуража [84]. Это продовольствие в основном отправляли в Европейскую Россию и на фронт, частично — в города Сибири. Только в Петроград из Акмолинской области ежедневно отправлялся маршрутный эшелон продовольствия [86]. До конца лета население большинства сибирских городов не испытывало проблем с продовольствием.

Однако постепенно ситуация менялась. Большинство крестьян, весной 1917 г. в резолюциях на разного рода съездах приветствовавших введение хлебной монополии и учета продовольствия, на деле скрывало результаты своего труда и не спешило ими поделиться. Условием сдачи излишков продовольствия в распоряжение государства они ставили получение в обмен промышленных товаров. Ближе к концу лета десятки приговоров, содержавших такие требования, принимали крестьяне многих уездов.

Одними из первых об этом в начале августа открыто заявили крестьяне Тарского уезда Акмолинской области. Они отказались поставлять продовольствие в уездный центр, из-за чего цены на продукты питания в нем подскочили и стали почти вдвое выше, чем в Омске. Затем в уездную продовольственную управу явилось несколько сотен жителей пригородных деревень с требованием выдать им мануфактуру как условие поставки продовольствия в город. Так как продовольственная управа уже распределила мануфактуру среди горожан, крестьяне прекратили подвоз продуктов. Как писал корреспондент местной газеты, «с тех пор тарцы сидят без муки, без масла и без яиц» [83].

Из-за отсутствия в распоряжении государства промышленных товаров для обмена на хлеб Министерство продовольствия уповало сначала на организационные меры, ориентируя продкомы на привлечение в качестве заготовительного аппарата кооперативных организаций, пользовавшихся авторитетом у крестьян, а затем торгово-промышленных организаций и фирм. Поскольку армия и ряд губерний Европейской России, которые поразила неурожай, испытывали острый недостаток продовольствия, взоры Министерства продовольствия и россиян обращались к Сибири, где был хороший урожай. В конце августа для его скорейшей уборки, заготовки, доставки на станции железных дорог и к пристаням министр продовольствия А. В. Пешехонов предоставил Акмолинской продовольственной управе право прибегать к самым энергичным мерам вплоть до вооруженной силы [85; 87].

С сентября разного рода продовольственные проблемы стали возникать в городах Западной Сибири. В начале сентября недостаток муки обнаружился в Змеиногорске, хлеба — в лавках и булочных Томска [36]. По утверждению газеты «Жизнь Алтая», в Барнауле дефицит печеного хлеба «стал явлением хроническим» [35]. Это побудило местную губернскую продуправу с 26 сентября разрешить свободную продажу муки крестьянского помола горожанам для собственного потребления. Ухудшилась ситуация в Омске. Как свидетельствовал «Омский вестник», у городских лавок, отпускавших муку по карточкам, «ежедневно с утра и до вечера огромные “хвосты”». Одной из главных причин такого развития событий явилась неспособность местных продорганов в богатой хлебными излишками Сибири наладить снабжение ими городов и организовать распределение продуктов между населением.

Резкое обострение продовольственной ситуации в сибирских городах произошло в конце сентября — начале октября. Оно явилось реакцией населения на постановление Временного правительства от 27 августа 1917 г. о повышении вдвое цены на заготавливаемый хлеб.

Эта мера должна была вызвать цепную реакцию увеличения цены на труд, на большую часть продуктов и товаров, тем самым ударив по благосостоянию наименее обеспеченных и слабо защищенных слоев сельского и городского населения [10, с. 130—134]. Она совершенно не учитывала специфики Сибири, крестьянство которой нуждалось не в деньгах, а в промышленных товарах. Это постановление пытались опротестовать перед Министерством продовольствия местные продкомитеты, отрицательно отреагировали на него крестьянские организации.

В конце сентября на почве недовольства новыми ценами тревожное настроение возникло в Барнауле. 24 сентября местные губернские власти приняли постановление, запрещавшее митинги и любые собрания на улицах. Тем не менее 2 октября на Базарной площади собралась большая толпа народа, в которой раздавались угрозы в адрес продовольственных комитетов и кооперации. Возникло волнение, грозившее перерасти в погром. В целях его недопущения губернские и городские власти, руководство общественных организаций приняли меры, позволившие не допустить развития конфликта [37; 39—42].

2 октября в связи с объявлением об удвоенных твердых ценах на муку и хлеб начались волнения в Омске. Большая толпа горожан сначала осаждала городскую продовольственную управу, а затем переместилась к городской думе. 4 октября днем толпа устроила огромный митинг в Санниковском саду. Вечером того же дня погромно настроенная толпа собралась около Дома республики. Как и в Барнауле, звучали призывы громить кооперацию и продкомы. Попытки представителей областной власти и революционно-демократических организаций убедить ее спокойно разойтись не увенчались успехом. Чтобы не допустить погрома, были вызваны войска. Они окружили толпу, начали проверку документов и аресты тех, кто их не имел. Только после этого толпа разошлась. Утром 5 октября Акмолинский областной исполком объявил город Омск, станцию Омск и Атаманский хутор на военном положении, которое действовало до 9 октября. За это время чины милиции задержали в разных местах 15 темных личностей, большинство из которых оказалось с уголовным прошлым [95].

Корреспондент местной газеты так передал свои впечатления и ощущения от того, свидетелем чего он был в Омске: «Жуткие дни и кошмарные ночи. Ужас, могильный ужас погрома висел над городом... Разнузданная толпа бесновалась по улицам. На свет вышла вся муть городских окраин. Влияли те, кто привык выходить чаще ночью, а не днем. Но вместе с ними вышла городская беднота, напуганная черным призраком недоедания, голода» [93; 94].

4 октября начались беспорядки в Новониколаевске и Петропавловске, затем грозное положение возникло в Ишиме и Павлодаре [24, л. 136—137, 154—155; 43]. В Петропавловске они переросли в жестокий погром, сопровождавшийся избиением граждан и убийством государственных служащих, поджогами, пожарами и грабежами. Правительственный комиссар Петропавловского уезда и председатель Совдепа запросили из Омска военную помощь. Ночью на 5 октября из Омска в Петропавловск экстренным поездом отправили 370 солдат и дружину рабочих из 105 человек. Еще до прибытия этого отряда уездному комиссару удалось при помощи учебной команды 33-го полка установить в городе относительный порядок. Тем не менее в 4 часа вечера 6 октября Петропавловск был объявлен на военном положении [44; 94; 96].

Затем на почве недовольства продовольственными комитетами напряженная ситуация возникла в Зайсанском уезде, из-за увеличения цен на хлеб начались погромы в Семипалатинске [1, с. 180—181, 190]. По сведениям, полученным областным комиссаром, 21 октября ожидалась погромы на ст. Исиль-Куль и Булаево, где предстояли базарные дни. Для предотвращения беспорядков на обе станции выслали войска [98].

Рост дороговизны, ухудшение криминогенной обстановки, погромные события на продовольственной почве создавали у общественности и рядового обывателя впечатление, что комиссары Временного правительства теряют власть, ситуация выходит у них из-под контроля, усиливается беспорядок, нарастают анархия и хаос. Но Временное правительство сохраняло оптимизм. Оно надеялось, что местные органы государственной власти удержат политическую ситуацию под своим контролем, а Сибирь оправдает возлагаемые на нее ожидания.

Пролетарии и солдаты

Наиболее стремительно революционные процессы, иногда принимавшие опасный деструктивный характер, протекали в Сибири в среде наемных рабочих и военнослужащих.

Численность лиц наемного труда в Сибири, с учетом 260 тыс. сельскохозяйственных рабочих, составляла около 900—920 тыс. человек. Самый крупный профессиональный отряд рабочих, насчитывавший 93 тыс. человек, трудился на железнодорожном транспорте; 81 тыс. была занята в горной и горнозаводской промышленности и 70—80 тыс. — в обрабатывающей промышленности; примерно по 30 тыс. — в водном транспорте и строительной промышленности [52, с. 51—54; 107, с. 17]. Несмотря на относительную малочисленность и невысокий удельный вес наемных рабочих в составе населения Сибири, именно их взаимоотношения с властями и предпринимателями, нередко приобретающие характер конфликтов, являлись главным дестабилизирующим политическим фактором.

После Февральской революции пролетариев в первую очередь интересовали два вопроса: продолжительность рабочего дня и размер заработной платы. Видимо, быстрее всего они нашли свое разрешение в Иркутской губернии. Здесь социал-демократы меньшевики задавали тон в рабочей среде и верховодили в профсоюзах, а секцию по охране труда возглавлял эсер С. М. Третьяк, прозванный за свою неумную активность и энергию «неистовым». Он настойчиво требовал от исполкома общественных организаций Иркутска установить на всех предприятиях, работающих на оборону, 8-часовой рабочий день и в качестве временной меры, до организации примирительных камер, повышения зарплаты на 50%. Разрешение трудовых конфликтов С. М. Третьяк считал возможным только путем уступок со стороны предпринимателей [56; 57; 59].

Серьезным результатом деятельности новых властей и профсоюзов стало оформление документов (договоров, уставов и т.п.), регламентирующих взаимоотношение представителей труда и капитала. Но довольно быстро обнаружилось, что обе стороны не всегда соблюдают зафиксированные договоренности. Чаще всего не шли на уступки предприниматели.

К середине июня 1917 г. в Томской губернии было зафиксировано около 200 конфликтов, из которых 15 крупных с количеством заинтересованных от 10 до 150 человек. Четверть этих конфликтов составляли проблемы домашней прислуги с хозяевами; 20% — конфликты рабочих фабрик, заводов, железных дорог, пароходств; 20% — поденных чернорабочих; 10% — рабочих мелких ремесленных мастерских; 10% — конторщиков, чиновников, сестер милосердия; 5% — поваров, официантов, прислуги гостиниц и ресторанов. Часто они заканчивались увольнениями. Причины принятия такого ради-

кального решения предпринимателями и хозяевами были очень разные. Нередко увольняемые объясняли их тем, что они активно участвовали в общественной работе [74].

Более серьезный характер имели конфликты на крупных предприятиях, имевших государственное значение. Таковыми с весны — лета 1917 г. стали противостояния горняков с предпринимателями. Одними из первых по подстрекательству анархистов, прибывших из Северо-Американских Соединенных Штатов, такую борьбу затеяли шахтеры Черемховского бассейна, которые стали добиваться социализации копей [12, с. 41—42].

Вслед за черемховцами такую же попытку предприняли шахтеры Анжерки. Но идея социализации не нашла у них широкой поддержки в силу неясности ее перспектив. Более понятной и продуктивной судженцам показалась активно пропагандировавшаяся большевиками и Советом рабочих депутатов, но не требовавшая большого ума и усилий, а также не грозившая рисками идея установления контроля за производством и распределением продуктов. Тем более что 28—30 марта 1917 г. состоялось заседание администрации Судженских копей Л. А. Михельсона и технической комиссии, которая обсудила широкий круг вопросов по упорядочению жизни копей вплоть до обеспечения рабочих продовольствием, водой, постройки Народного дома, устройства библиотеки и многого другого. Немаловажно, что рабочие и служащие обратились с ходатайством в Совет рабочих депутатов с просьбой избавить копи от «пролетариев», осуществляющих малое количество выходов на работу в месяц, понижающих производительность рудника, осложняющих жилищный и продовольственный вопросы [123, с. 57—67].

Но не прошло и месяца, как Судженский Совдеп потребовал от Л. А. Михельсона передать управление копиями специально избранному для этой цели распорядительному бюро. Л. А. Михельсон отказался сделать это, обратившись к главе Временного правительства князю Г. Е. Львову с просьбой устранить происходящее самоуправство и предотвратить захват [123, с. 70—71].

В качестве предлога для вмешательства в процессы управления и технологии пролетарии сначала использовали свое недовольство техническим персоналом, добиваясь его увольнения. Затем стали предъявлять претензии к владельцу копей Л. А. Михельсону, обвиняя его в саботаже и стремлении обанкротить копи. Проблема же была в отсутствии у Л. А. Михельсона оборотного капитала, из-за чего он учредил акционерное общество.

Вопрос настолько обострился, что Томский губернский комиссар Б. М. Ган и товарищ министра путей сообщения Л. А. Устругов ходатайствовали перед властными верхами о срочном направлении в Анжерку правительственной комиссии [28, л. 13—14]. Результаты этих обращений остались неизвестными.

В свою очередь по требованию шахтеров состояние Анжерских копей проверяла специальная комиссия, созданная Омским Советом рабочих депутатов. В ее составе целый месяц работал профессиональный юрист, заместитель председателя Омского Совдепа меньшевик Я. М. Ааронов. Согласно его отчету, к лету количество шахтеров на копиях увеличилось, что обострило жилищный кризис. Новые расценки предприниматель не выплачивал, поскольку шахтеры трудились не более 4,5 часов в сутки, а количество выходов в месяц не превышало десятка. Я. М. Ааронов считал, что шахтеры «работают мало и плохо и производительность труда их падает». Одновременно он признавал, что «промышленники в свою очередь не идут на уступки. Беда вся в том, что у нас приобрел права гражданства лозунг “Долой и давай”, который одинаково усвоили как рабочие, так и предприниматели» [117]. Аналогичные процессы наблюдались в среде железнодорожных рабочих, трудившихся в депо, мастерских и в паровозных бригадах.

Постепенно стала прослеживаться тенденция, свидетельствовавшая о том, что причины конфликтов между трудом и капиталом существенно эволюционировали. Под влиянием

янием социалистической пропаганды, особенно левых радикалов, главными для рабочих стали не экономические и финансовые вопросы, не условия труда и быта. Их начали больше интересовать вопросы политики, власти. Они стали больше внимание уделять различиям в культуре. На передний план вышли социально-психологические противоречия и классовый антагонизм. Буржуи, интеллигенты, специалисты стали для пролетариев главными врагами. В начале осени 1917 г. значительная часть шахтеров Сибири была готова сменить кайло, обушок на винтовку, чтобы бороться с контрреволюцией, с внутренним врагом.

Во время Мировой войны в большинстве сибирских городов резко увеличилась численность гарнизонов, особенно тех, в которых готовилось пополнение для действующей армии и фронта. Наиболее крупные гарнизоны существовали в Омске, где численность военнослужащих колебалась от 60 до 90 тыс. человек, в Томске (50—70 тыс.), Иркутске (35—50 тыс.), Красноярске (25—35 тыс.), в Ачинске и Канске (по 15—25 тыс. человек).

Демократизация армейской жизни, проходившая по инициативе и при активном участии социалистов, сначала вылилась в создание солдатских комитетов и Советов, в отстранение ряда командиров и назначение вместо них выборного начальствующего состава, а в Западной Сибири — даже во введение коллективного управления войсками. Вскоре эти новации обернулись неподчинением бывших нижних чинов офицерам и командирам. Ликвидация ограничений солдат в гражданских правах привела к падению воинской дисциплины, пьянству, дезертирству из частей гарнизонов и маршевых рот, отправленных на фронт, насилию над гражданским населением, которые прикрывались антивоенной демагогией и революционной риторикой.

Первый серьезный «звонок» прозвучал в конце мая 1917 г. в Томске, гарнизон которого весной увеличился за счет 1,5 тыс. амнистированных, а также освобожденных из административной ссылки уголовников и дезертиров. Амнистированные и бывшие уголовники развернули в солдатской среде погромную агитацию, а группа, называвшая себя анархистами, предлагала амнистированным даже захватить власть в Томске и перераспределить имущество богатых по справедливости. Одновременно в городе начались грабежи и убийства мирного населения. Милиция не справлялась с ситуацией собственными силами.

Тогда 29 мая по инициативе исполкома Томского Совета солдатских депутатов в Доме физического развития состоялся митинг примерно тысячи бывших заключенных, ставших военнослужащими Томского гарнизона. От имени исполкома Совдепа большевик И. Н. Смирнов, являвшийся безусловным лидером Совдепа, разъяснил собравшимся, что горожан беспокоят грабежи и убийства, в которых подозревают некоторых амнистированных. В принципе большинство принявших участие в прениях осудило совершивших преступления и в единогласно принятой резолюции выразило им свое негодование, пообещало вести борьбу с пьянством и азартными играми. Но никаких реальных мер, способных внести порядок среди амнистированных и успокоить томичей, не наметило [17; 70].

Обстановка осложнялась двумя обстоятельствами. 30 мая стало известно, что из Восточной Сибири в Томск направлено еще около 4 тыс. амнистированных, а на следующий день начальник Томского гарнизона получил распоряжение выслать на фронт весь кадровый состав и большинство офицеров. В случае выполнения этого требования в гарнизоне остались бы только молодые солдаты и амнистированные, что усугубляло бы положение томичей. Для того чтобы не допустить этого, 31 мая было созвано соединенное заседание исполкомов Томского губернского, уездного и городского народных собраний, Советов рабочих, солдатских и офицерских депутатов, гарнизонного Совета, комитетов

социал-демократов и эсеров. Участники заседания сформировали из своей среды немногочисленный комитет, на который возложили задачу выработать эффективные меры по нормализации положения в Томске и провести их в жизнь.

В ночь на 1 июня комитет принял принципиальное решение об объявлении в городе военного положения, об аресте амнистированных и преступных элементов среди гражданского населения, разработал план действий и распределил обязанности. Поскольку со стороны амнистированных и преступников ожидалось сопротивление, для проведения обысков и арестов комитет решил использовать надежные роты и офицеров, руководство которыми возложил на членов Совдепов, ротных и полковых комитетов. Вечером 2 июня активисты заранее разошлись по частям, ознакомили надежных солдат и офицеров с постановлением соединенного заседания исполкомов и приказом начальника гарнизона о введении военного положения, изданного с санкции всех исполкомов народных собраний, Совдепов и социалистических партий [18; 71].

Операция началась поздней ночью 3 июня. Были арестованы почти все амнистированные, находившиеся в казармах, которых отправили в тюрьму. При арестах в трех ротах амнистированные оказали вооруженное сопротивление. В ходе возникшей перестрелки с обеих сторон погибло 22 человека, 17 из которых были производившими арест [17; 72]. Для разбора дел арестованных в ходе операции была создана авторитетная судебно-следственная комиссия. Два дня, 5 и 6 июня, вопрос о введении военного положения и арестах амнистированных обсуждал Совет солдатских депутатов Томского гарнизона. Он признал, что постановления о введении военного положения и об аресте амнистированных уголовных были «справедливыми и необходимыми» [73]. Благодаря принятым мерам обстановка в гарнизоне и в городе улучшилась.

В августе 1917 г. опасное положение создалось в Красноярском, а в середине сентября — в Иркутском гарнизоне. В Красноярске она была вызвана радикальной позицией Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов из-за конфликта Совдепа с гарнизонным комитетом и начальником гарнизона по вопросу о направлении солдат на уборку урожая, не санкционированном командованием Иркутского военного округа. Ситуацию удалось нормализовать благодаря прибытию в Красноярск руководства бюро Советов Восточной Сибири, временно командующего Иркутским военным округом А. А. Краковецкого и отправке для наведения порядка эшелона солдат с артиллерийской частью [9, с. 146—148; 75, с. 155—156, 160—170, 173—175, 181—182; 122, с. 112—114].

Более серьезный оборот приняла ситуация в Иркутске. На 16 сентября там были намечены митинги запасных полков, но их проведение запретил Совет военных депутатов Иркутского гарнизона. Однако на следующий день на главной, Тихвинской площади города с обеда до вечера стихийно проходил митинг нескольких полков, на котором обсуждался вопрос об утверждении устава Союза беспартийных солдат. Главными ораторами на митинге являлись известные анархисты, в своих речах призывавшие солдат захватить власть.

Через день состоялось экстренное заседание Совета военных депутатов, обеспокоенного эксцессами в солдатской среде. Совдеп принял решение запретить Союз беспартийных солдат. К тому же 20 сентября во время нового митинга на Тихвинской площади несколько солдат-анархистов, призывавших не подчиняться местным революционным властям, подверглись аресту. В ответ на следующий день полки не вышли на занятия, а 12-й полк устроил митинг, потребовав освобождения арестованных. В противном случае солдаты полка угрожали отказаться от отправки на фронт.

Осведомленный о беспорядке, временно командующий военным округом А. А. Краковецкий приехал в 12-й полк уговаривать солдат, но был ими арестован и заключен на

гауптвахту. Узнав об этом, руководство Совета военных депутатов отдало распоряжение направить против 12-го полка юнкеров 1-й школы прапорщиков и артиллерию. Освобожденный юнкерами А. А. Краковецкий возглавил их отряд для наведения порядка. Между сторонами возникла ружейно-пулеметная перестрелка. Революционные власти были вынуждены применить артиллерию, что вынудило мятежников сложить оружие. Около 300 из них подверглись аресту, а некоторые даже были заключены в тюрьму. Смертельное ранение получил только один унтер-офицер. В ходе допросов они выдали организаторов заговора из числа бывших уголовников и жандармов, входивших в Союз беспартийных солдат [61; 108, с. 249—251].

Комиссар Временного правительства Восточно-Сибирского края А. Н. Кругликов в представлении на имя председателя правительства А. Ф. Керенского и товарищ министра внутренних дел С. Н. Салтыков на имя военного министра А. И. Верховского высоко оценили проявленные А. А. Краковецким решительность и грамотность поведения. Как утверждал С. Н. Салтыков, «опасный беспорядок с участием многочисленного в Сибири уголовного элемента был прекращен быстро и без жертв». В свою очередь А. Н. Кругликов доложил в столицу, что «в городе полный порядок». По представлению С. Н. Салтыкова А. А. Краковецкий был произведен в подполковники и назначен помощником командующего Иркутским военным округом [29, л. 3, 5—6, 83].

В Сибири пьяного солдатского разгула, самосудов над офицерами, насилия военнослужащих над гражданским населением, обысков и разгрома магазинов и винных складов солдатами, если не считать краткосрочных эпизодов в Томске и Петропавловске, не было. В значительной мере этого удалось избежать благодаря тому, что гражданская и военная власть здесь оказалась тверже, чем в других губерниях и областях России. Но для части солдат наведение офицерами должного порядка в гарнизонах не прошло бесследно. Они затаились и стали ждать наступления того времени, когда у них появится возможность отомстить офицерам за ограничение ими солдатских прав и свободы.

Областники и большевики

Весной 1917 г. в общественно-политическом пространстве Сибири более четко обозначились еще два актора. Это были областники, называвшие себя «патриотами Сибири», которые раньше пребывали в дисперсном состоянии, и большевики, находившиеся на эмбриональной стадии развития.

18 мая Томское губернское народное собрание заслушало доклад комиссии по областному самоуправлению, подготовленный по инициативе фракции эсеров. Оно поддержало предложение комиссии и поручило исполкому собрания созвать в ближайшем будущем в Томске общесибирский областной съезд для разработки основных положений об областном самоопределении Сибири [106, с. 2—3].

Такое собрание, на которое прибыли 78 представителей шести губерний и областей, состоялось в Томске 3—9 августа. Из-за слабого представительства с мест его решено было считать не съездом, а конференцией общественных организаций. Состав участников собрания был исключительно разнородный. На него прибыли делегаты от местных комитетов и отделов разных политических партий (Бунда, кадетов, энесов, социал-демократов, эсеров), от уездных и городских исполкомов, городских дум и земских управ, разного рода Советов и обществ, высших учебных заведений, кооперативных организаций и профсоюзов¹.

Конференция стала крупнейшим событием в истории сибирского областничества. На ней впервые подвергся публичному обсуждению вопрос о Сибирской областной думе

¹ Список участников съезда и делегировавших их общественных организаций см.: [23, л. 15—16].

(СОД), а требования об автономии Сибири и учреждении Думы получили поддержку со стороны значительной части местных общественно-политических институций.

Важнейшим результатом работы конференции стало принятие решения о проведении общесибирского съезда и создание для его созыва Центрального Сибирского организационного комитета (ЦСОК). В ЦСОК были избраны 24 человека. В основном это были представители нового поколения патриотов Сибири, являвшиеся членами партии эсеров. С учреждением ЦСОК областники впервые обрели структуру, опирающуюся в основном на моральный авторитет, но наделенную полномочиями осуществлять руководящие и координирующие функции по отношению к реальным и потенциальным участникам запланированного съезда [132, с. 47—71].

С августовской конференции областничество начало превращаться в межпартийное объединение и поднялось на более высокую ступень своего развития. Оно стало приобретать параметры и признаки областного общественно-политического движения, имевшего собственную программу автономного устройства Сибири в составе обновленной России. В решающей мере такая перемена стала возможной благодаря совпадению взглядов «старых» областников и членов партии эсеров по вопросам реформирования государственного устройства послереволюционной России. Как следствие, областничество начало довольно быстро наполняться другим идейно-политическим содержанием и трансформироваться в «новое областничество». В нем «старые» областники вроде Г. Н. Потанина и В. М. Крутовского стали постепенно утрачивать влияние, а их роль — сводиться в основном к декоративной функции. Ключевые позиции решительно и быстро заняла новая, более молодая и энергичная генерация областников в основном эсеровского типа.

Во второй половине августа 1917 г. ЦСОК разослал обращение с призывом принять участие в работе первого Сибирского областного съезда 550 общественным организациям. Откликнулось на него чуть более трети приглашенных. Открытие съезда состоялось 8 октября 1917 г. в зале библиотеки Томского университета. Мандатная комиссия съезда предоставила 211 приехавшим решающий голос и семи — совещательный. Делегаты прибыли из 33 городов Сибири, Дальнего Востока и Степного края, начиная от Кустаная Тургайской области на западе до Владивостока на востоке, от Якутска на севере до Верного Семиреченской области на юге.

Самое большее количество делегатов — 60 человек — направили на съезд Советы. Национальные организации прислали 27 человек, городские думы — 19, органы земского самоуправления — 18, разные учреждения — 17, политические партии — 15, профсоюзы — 10, кооперативные союзы — пять, высшие учебные заведения и казачьи войска — по три, ученые общества — по два, биржи — одного.

Из 176 делегатов, назвавших свою партийность, 72 являлись эсерами и 22 сочувствующими им, 16 — меньшевиками и пять сочувствующими, 10 — энесами и двое сочувствующими, семеро — социалистами-федералистами, пятеро — кадетами, трое — большевиками и один сочувствующим, 20 — беспартийными, семеро назвали себя беспартийными социалистами. Можно утверждать, что съезд действительно имел право называться общесибирским, а областничество расширило свои рамки за счет революционно-демократических организаций [132, с. 63—65, 71].

Благодаря этому сибирские областники перестали быть пугалом сепаратизма и развала России. Напротив, они стали восприниматься частью русской национальной политической элиты и Временным правительством в качестве опоры. Более того, правительство нуждалось в поддержке со стороны съезда и не скрывало этого. В присланной министром внутренних дел А. М. Никитиным съезду телеграмме говорилось: «Временное прави-

тельство надеется также, что съезд пробудит в сибирском населении тревогу за судьбу родины, гибнущей от анархии, и что он призовет население к деятельной поддержке на местах правительственной власти, которая бессильна без содействия организованного населения противодействовать растущему разложению страны» [116].

Программа съезда была обширной. Первоначально она включала отчет ЦСОК и семь докладов. Главным событием съезда стал доклад «Основные положения автономного областного устройства Сибири», с которым выступил эсер присяжный поверенный Е. В. Захаров. После длительной дискуссии и тщательного обсуждения представленного Захаровым проекта документа на секциях и на пленарном заседании съезд принял постановление «Областное устройство Сибири». В нем говорилось, что автономная Сибирь в составе России должна обладать «всею полнотою законодательной, исполнительной и судебной власти» [103, с. 1—3].

В ходе работы съезда зародилась идея придать областничеству институциональную форму, облечь его в организационный каркас. Для этого было предложено учредить наделенный руководящими полномочиями орган и тем самым превратить аморфное областничество в более организованное и дееспособное движение.

В порядке реализации этой идеи 16 октября съезд принял постановление под названием «Организация Сибири» и произвел выборы руководящего исполкома из семи членов и шести кандидатов. Его почетным председателем был избран Г. Н. Потанин. Реально исполком оказался в руках эсеров. Благодаря созданию новой структуры, наделенной руководящими функциями, эсеры еще более упрочили свое положение в областничестве. Исполком срочно приступил к формированию своего исполнительного аппарата в виде нескольких отделов. Исполком поставил себе в качестве важнейшей задачи осуществить объединение городов и земств Сибири. Тем самым областническое движение должно было выйти на новый уровень самоорганизации и интеграции с родственными общественными институтами, расширить свою социальную базу. В условиях ослабления центральной власти и усиления анархии областничество могло превратиться в серьезный стабилизирующий фактор.

Прямо противоположную роль почти изначально играли большевики. Их деструктивное поведение активизировалось после возвращения в Россию В. И. Ленина. Сформулированные им тезисы, положенные затем в основу решений VII (Апрельской) конференции РСДРП(б), оказали решающее влияние на размежевание организаций РСДРП на большевиков и меньшевиков. В Сибири главными проводниками ленинской партийной линии стали Сибирское районное бюро, утвержденное ЦК РСДРП(б) в Красноярске 13 апреля, и учрежденная бюро в качестве своего органа газета «Сибирская правда». Под их влиянием 30 мая образовалась первая самостоятельная большевистская организация в Красноярске, насчитывавшая около ста человек. Затем между 24 июня и 2 июля создали собственную организацию численностью в 15 человек большевики Барнаула, 6 сентября — Томска (около 250 членов), 14 сентября — Новониколаевска, 8 октября — Иркутска и 12 октября — Омска [131, с. 415—440].

В июне — октябре 1917 г. организации большевиков возникли также в Ачинске, Бийске, Верхнеудинске, Енисейске, Камне-на-Оби, Канске, Кургане, Мариинске, Минусинске, Нижнеудинске, Чите, на Анжерских и Судженских копиях, на Знаменском заводе, Кемеровском химическом заводе, на ст. Иланская и Тайга; появились большевистские ячейки и группы в нескольких селах (Маклаково, Тасеево). В целом по Сибири к концу октября 1917 г. численность большевиков достигла примерно 9 тыс. человек. Их социальной опорой в городах являлись рабочие промышленных предприятий, железнодорожного транспорта и солдаты, в поселках — горняки, в селах — бывшие фронтовики.

Летом — осенью 1917 г. свою главную задачу большевики Сибири видели в углублении революции и в доведении ее до социалистической фазы. С этой целью они непрерывно наращивали организационные и агитационно-пропагандистские усилия в массах. Главным лозунгом, под которым они вели работу, являлось требование передачи всей власти Советам.

Для этого большевики и их союзники использовали все возможные предлоги и причины, факторы и обстоятельства, методы и средства. В агитации и пропаганде они делали упор на нежелание и неспособности Временного правительства решать вопросы о войне и мире, о земле и труде, о национальном самоопределении малых народов, о затягивании выборов в Учредительное собрание. Они умело провоцировали конфликты между предпринимателями и рабочими, обвиняя первых в классовом эгоизме и подталкивая вторых к выдвижению заведомо неприемлемых требований перед государством и частными собственниками; играли на ухудшении экономического положения населения, в том числе на недостатке продовольствия и предметов первой необходимости в городах, на объективных трудностях, тяготах и лишениях, вызванных войной.

Агитационно-пропагандистскую работу большевики дополняли организационной деятельностью, создавая в лице Советов параллельную властную вертикаль, вокруг которой они объединяли руководимые ими профсоюзы, фабрично-заводские и солдатские комитеты, Красную гвардию. Своеобразным венцом их организационных усилий стал первый общесибирский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Он проходил в Иркутске 16—23 октября 1917 г. На съезде присутствовало 184 делегата от 70 Советов от Тюмени и Омска на западе до Владивостока и Харбина на востоке. 28 из них являлись Советами рабочих и солдатских депутатов, 14 — Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, 13 — Советами рабочих депутатов, 8 — Советами солдатских депутатов, 3 — Советами крестьянских депутатов, 4 — областными и губернскими объединениями Советов.

Однако представленные на съезде Советы составляли всего лишь пятую часть имевшихся в Сибири Советов и представляли не более 10% ее взрослого населения. Они выражали мнение главным образом промышленных рабочих и солдат тыловых гарнизонов. На съезде практически отсутствовали представители Советов крестьянских депутатов, т.е. большинства населения области, что вызвало возражения со стороны умеренных социалистов против его конституирования как общесибирского съезда, включавшего в свое название упоминание о крестьянских Советах [33].

Большинство делегатов съезда принадлежало к леворадикальным политическим партиям: 64 человека были большевиками, 35 — левыми эсерами, 10 — социал-демократами интернационалистами, двое — анархистами; из остальных депутатов 50 человек являлись эсерами, 11 — меньшевиками, один — бундовцем, 11 — беспартийными. Председателем съезда был избран видный большевик А. И. Окулов из Красноярска.

Повестка дня съезда включала вопросы о текущем моменте и тактике Советов, о выборах во Всероссийское Учредительное собрание, об отношении к сибирскому областничеству, продовольственный, транспортный, рабочий, аграрный и организационный вопросы, доклады с мест. Докладчиком по основному вопросу выступил А. И. Окулов, который призвал к установлению власти Советов. Во время обсуждения этого вопроса 26 эсеров в знак несогласия с позицией большевиков покинули съезд. Благодаря этому позиции левых радикалов на съезде усилились.

Незначительным большинством голосов большевиков и поддержавших их левых эсеров съезд принял резолюцию о необходимости установления власти Советов. 23 октября 1917 г. по предложению большевиков съезд избрал для руководства местными Советами

немногочисленный Центральный исполнительный комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Сибири (Центросибирь) во главе с большевиком Б. З. Шумяцким, имевшим статус агента ЦК РСДРП(б) [3, с. 114; 4, с. 29; 105, с. 24—31].

Первый общесибирский съезд Советов стал для большевиков востока России и их союзников смотром своих сил, важнейшим мероприятием по их организации и мобилизации. Этот смотр показал, что революционные радикалы располагают минимальной поддержкой. Однако такой результат их не смущал. Имевшуюся опору они считали достаточной для перехода к новому этапу борьбы, целью которого являлось взятие Советами государственной власти на местах. Избранием Центросибири революционные радикалы создали орган, на который возложили задачу возглавить такую борьбу.

Заключение

Массовое революционное движение в Сибири началось в марте 1917 г. в ответ на информацию о свержении в Петрограде монаршей власти. Сибирская общественность стремительно, в течение недели собственными силами упразднила в областных, губернских и уездных городах царскую администрацию в лице ее высшего слоя, жандармерии и полиции, которые являлись главной опорой старой власти. Она создала разнообразные органы новой, революционной власти, получившие обобщенное название КОБов, подчинила себе войска тыловых гарнизонов, демократизировала городское самоуправление. Все это было сделано без крови и даже без разбития стекол и витрин. Во многом успех сибиряков был обусловлен активностью находившихся здесь политических ссыльных.

В ходе произведенного в Сибири переворота к власти пришла широкая коалиция либерально-демократических и социалистических сил из контрэлиты, задавали тон в которой в большинстве случаев умеренные социалисты. Утвердив новые институты и порядки, аналогичные столичным, сибиряки тем самым поддержали революционный переворот в Петрограде. В политическом отношении сибирская провинция смогла достичь одинакового уровня с Европейской Россией, а состоявшийся 10 марта «Праздник свободы» наглядно засвидетельствовал единство столицы и сибирской провинции, новой власти, народа и армии.

Созданные в ходе Февральской революции КОБы Сибири проявили должную решительность и оперативность. Не дожидаясь указов Временного правительства и Министерства внутренних дел, они самостоятельно взяли на себя управление не только городами, но и областями, губерниями и уездами, вникали во все злободневные вопросы. Из-за отсутствия правовой базы, которая регламентировала бы их деятельность, КОБы были вынуждены самостоятельно определять свои права, функции, структуру и направления работы, действовать по собственному усмотрению с учетом местных условий, но с оглядкой на правительство. Они официально объявили населению, что являются высшими органами местной государственной власти, подчиненными Временному правительству.

Иную позицию продемонстрировало сначала по отношению к сибирским «самозванцам» Временное правительство. Оно не признало КОБы Сибири собственными органами власти на местах и не передало им правительственные функции, не поддержало их финансами. Более того, 8 марта 1917 г. Временное правительство приняло решение учредить «Комиссариат для управления Сибирью» и назначило в области и губернии Сибири правительственных комиссаров, должности которых получили хорошо известные общественности Сибири деятели. Однако социалистическая общественность Иркутска и Томска резко отрицательно отреагировала на назначение Временным правительством комиссаров. Она полагала такой порядок бюрократическим и нарушением принципов демократии. В противостоянии с Временным правительством сибирская общественность

проявила завидную принципиальность и смогла провести на должности губернских комиссаров своих ставленников. С назначением правительственных комиссаров КОБы постепенно прекратили свою работу, передав свои дела правительственным чиновникам.

Важной акцией, предпринятой в Сибири летом 1917 г. по инициативе Временного правительства, стали выборы в городские и земские органы местного самоуправления. Большинство голосов в них получили умеренные социалисты. Тем самым правительство получило поддержку со стороны как минимум половины наличного взрослого населения Сибири.

Весна — лето 1917 г. ознаменовались в Сибири невиданным всплеском общественной активности по созданию разного рода институтов гражданского общества: политических партий, периодической печати, профсоюзов, национальных структур, кооперативных организаций, крестьянских союзов, солдатских комитетов и т.п.

Разнообразие и многочисленность институтов гражданского общества оказало двоякое влияние на революционный процесс. С одной стороны, оно являлось показателем самоорганизации разных категорий населения, реального воплощения демократии в жизнь, стало свидетельством формирования структурных элементов новой, более сложной организации локального общества. С другой стороны, их учреждение привело к фрагментации местного социума, вскоре обернулось возникновением и проявлением группового — социального и этнического — эгоизма, повлекло за собой раскол общества по разным основаниям, усилило в нем противостояние и борьбу.

В Сибири главные общественно-политические события и процессы происходили в основном под влиянием импульсов, которые подавала столица, и местных социально-экономических условий. Первые три политических кризиса в Петрограде (апрельский, июньский и июльский) практически никак не повлияли на политическую ситуацию в Сибири. Здесь революционный процесс протекал в основном в демократическом русле. Обстановка резко изменилась и обострилась только в ходе и после ликвидации выступления Верховного главнокомандующего Русской армией генерала Л. Г. Корнилова, предпринявшего попытку навести порядок в армии, на фронте и в тылу. По призыву А. Ф. Керенского в ряде городов Сибири были созданы чрезвычайные органы власти. Резко активизировали свою деятельность Советы, в которых к тому же усилилось влияние большевиков и левых эсеров. В нескольких городах Сибири впервые возникло двоевластие. В Красноярске и Омске политическая обстановка особенно обострилась. Ее можно было характеризовать как режим революционной демократии или «однородной социалистической власти». Это привело к ухудшению работоспособности и снижению авторитета правительственных структур, к нарушению порядка в сфере управления.

Настроения низов населения подогревали дефицит и безудержный рост цен на предметы первой необходимости и продовольствие, ухудшение общественного порядка и обострение криминальной ситуации в городах и в деревне, распространение самосудов, погромы. В результате у общественности и рядового обывателя возникло впечатление, что комиссары Временного правительства теряют власть, перестают контролировать ситуацию, усиливается беспорядок и нарастает хаос. На передний план все более заметно и решительно выдвигались другие политические и социальные силы: радикальные социалисты, рабочие, солдаты, городской плебс, маргиналы. Революционный процесс в Сибири вступал в новую стадию развития, характеризовавшуюся дальнейшим обострением всех противоречий.

На этом тревожном фоне резко активизировались сибирские областники и большевики. В октябре и те и другие провели свои массовые мероприятия. В условиях ослабления центральной власти и усиления анархии областничество стремилось играть роль стаби-

лизирующего фактора, консолидирующего умеренных социалистов и демократические институты гражданского общества. Прямо противоположную цель преследовали большевики. Через провозглашение власти Советов они стремились установить собственное, партийное господство. В октябре 1917 г. обе группировки в скрытом виде выступали в роли конкурентов. В принципе было понятно, что итог борьбы между ними будет определять не столько соотношение их собственных сил в Сибири, сколько ход событий и политическая обстановка в столице.

Таким образом, в марте — августе 1917 г. революционный процесс в Сибири развивался преимущественно под влиянием событий, происходивших в столице. Задавали тон в нем умеренные социалистические и либерально-демократические элементы. Органы государственной власти и общественные структуры поддерживали Временное правительство и его политику. С осени 1917 г. на политические настроения и поведение сибиряков усилилось влияние местных факторов, под влиянием которых фрагментация местного общества стала постепенно перерастать в раскол. В Томске и Иркутске образовались первые общесибирские очаги противостояния, которые сформировались благодаря областникам и большевикам. Но в Сибири революционный процесс протекал в основном в рамках легальности. На общероссийском фоне Сибирь продолжала выглядеть как относительно спокойная провинция, с которой Временное правительство связывало надежды на разрешение продовольственного кризиса и стабилизацию политического положения в России в целом.

Список источников

1. 1917 год в Казахстане: документы и материалы. Алма-Ата : Казахстан, 1977. 282 с.
2. 1917. Гроза над Енисеем: Русская революция в Енисейской губернии. Красноярск : Полицор, 2017. 447 с.
3. Абов А. Октябрь в Восточной Сибири (отрывки воспоминаний) // Сибирские огни. Ново-Николаевск, 1924. № 4. С. 107—121.
4. Агалаков В. Т. Подвиг Центросибири. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 152 с.
5. Акмолинские областные ведомости (Омск). 1917. 8 марта.
6. Акмолинские областные ведомости. 1917. 22 марта.
7. Алексеева Г. Д. Октябрьская революция и историческая наука в России (1917—1923). М. : Наука, 1968. 301 с.
8. Бабилова Е. Н. Двоевластие в Сибири. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1980. 159 с.
9. Батуев Б. Б. Партия большевиков — организатор победы Советской власти в Восточной Сибири. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1971. 262 с.
10. Боженко Л. И. О продовольственном положении в Западной Сибири накануне социалистической революции // Проблемы истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1975. С. 122—136.
11. Большевики Западной Сибири в борьбе за социалистическую революцию (март 1917 — май 1918 г.). Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 1957. 368 с.
12. Буйских А. Н. Революционные очерки. Из воспоминаний за 25 лет. Новониколаевск, 1922. 143 с.
13. Бюллетени Тобольского временного комитета общественного спокойствия. 1917. 9 марта.
14. Бюллетени Тобольского временного комитета общественного спокойствия. 1917. 16 марта.
15. Бюллетени Тобольского временного комитета общественного спокойствия. 1917. 17 марта.
16. Гидлевский К., Сафьянов М., Трегубенков К. Минусинская коммуна. 1917—1918 гг. Из истории Октябрьской революции в Сибири. М. ; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. 296 с.
17. Голос свободы (Томск). 1917. 2 июня.
18. Голос свободы. 1917. 4 июня.
19. Голос свободы. 1917. 6 июня.
20. Голос Сибири (Новониколаевск). 1917. 11 марта.
21. Городецкий Е. Н. Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября. 1930 — 1960-е гг. : очерки. М. : Наука, 1982. 384 с.

22. Городецкий Н. Е. Советская историография Великого Октября. 1917 — середина 30-х годов : очерки. М. : Наука, 1981. 367 с.
23. Государственный архив Новосибирской области. Ф. Д-143. Оп. 1. Д. 28.
24. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-351. Оп. 7. Д. 7.
25. ГАРФ. Ф. Р-1788. Оп. 2. Д. 67.
26. ГАРФ. Ф. Р-1788. Оп. 2. Д. 74.
27. ГАРФ. Ф. Р-1788. Оп. 2. Д. 89.
28. ГАРФ. Ф. Р-1779. Оп. 1. Д. 296.
29. ГАРФ. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 45.
30. Дементьев А. П., Коновалова О. В. Общественно-политическая борьба в Енисейской губернии (март 1917 — ноябрь 1918 г.). Красноярск : Сибирский фед. ун-т, 2018. 320 с.
31. Дробченко В. А. Общественно-политическая жизнь Томской губернии (март 1917 — ноябрь 1918 г.). Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2010. 550 с.
32. Дробченко В. А. Профессиональное движение в общественно-политической жизни Сибири (март 1917 — май 1918). Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2006. 290 с.
33. Единение (Иркутск). 1917. 2 нояб.
34. Енисейский край (Красноярск). 1917. 8 марта.
35. Жизнь Алтая (Барнаул). 1917. 24 сент.
36. Жизнь Алтая. 1917. 28 сент.
37. Жизнь Алтая. 1917. 29 сент.
38. Жизнь Алтая. 1917. 1 окт.
39. Жизнь Алтая. 1917. 3 окт.
40. Жизнь Алтая. 1917. 5 окт.
41. Жизнь Алтая. 1917. 7 окт.
42. Жизнь Алтая. 1917. 10 окт.
43. Жизнь Алтая. 1917. 12 окт.
44. Жизнь Алтая. 1917. 18 окт.
45. За власть Советов. Сборник документов о борьбе за власть Советов в Енисейской губернии (март 1917 г. — июнь 1918 г.). Красноярск : Краснояр. кн. изд-во, 1957. 332 с.
46. Захарова К. Л. Комитеты общественной безопасности в Сибири (весна — лето 1917 г.) // Трансформация российской политической системы в период революции и гражданской войны: сибирская специфика : сб. науч. статей. Новосибирск : Параллель, 2014. С. 3—28.
47. Захарова К. Л. Советская элита Сибири (март — октябрь 1917 года) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2016. Т. 15, № 8. С. 108—119.
48. Захарова К. Л. Создание Советов в Сибири в марте — октябре 1917 г. // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2020. № 2. С. 16—36. URL: https://www.magistravitaejournal.ru/images/2_2020/16-36.pdf. DOI: 10.24411/2542-0275-2020-0202.
49. Знамя революции (Томск). 1917. 6 июня.
50. Знамя революции. 1917. 4 окт.
51. Знамя революции. 1917. 11 нояб.
52. Зольников Д. М. Рабочее движение в Сибири в 1917 г. Новосибирск : Наука, 1969. 335 с.
53. Иванова Л. В. У истоков советской исторической науки (Подготовка кадров историков-марксистов в 1917—1929 гг.). М. : Мысль, 1968. 197 с.
54. Известия Енисейской губернии (Красноярск). 1917. 14 апр.
55. Известия исполнительного комитета общественных организаций гор. Иркутска. 1917. 11 марта.
56. Известия исполнительного комитета общественных организаций гор. Иркутска. 1917. 15 марта.
57. Известия исполнительного комитета общественных организаций гор. Иркутска. 1917. 17 марта.
58. Известия исполнительного комитета общественных организаций гор. Иркутска. 1917. 18 марта.
59. Известия исполнительного комитета общественных организаций гор. Иркутска. 1917. 19 марта.
60. Известия исполнительного комитета общественных организаций гор. Иркутска. 1917. 22 марта.
61. Ким В. В. Большевизация Иркутского гарнизона в период подготовки социалистической революции // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып. 3. С. 139—151.
62. Кожевин В. Л. Создание и деятельность Западно-Сибирского объединенного комитета революционной демократии (конец августа — начало ноября 1917 г.) // Трансформация российской политической системы в период революции и гражданской войны: сибирская специфика : сб. науч. статей. Новосибирск : Параллель, 2014. С. 67—85.
63. Кокоулин В. Г. Алтай в годы революции, гражданской войны и «военного коммунизма». Новосибирск : [Б. и.], 2013. 456 с.

64. Кокоулин В. Г. Новониколаевск в годы революции, гражданской войны и «военного коммунизма» (февраль 1917 — март 1921 г.). Новосибирск : Сибирь — наука: XXI век, 2010. 324 с.
65. Кокоулин В. Г. Омск в годы революций: власть, политическая борьба и повседневная жизнь (февраль 1917 — май 1918 г.). Новосибирск : [Б. и.], 2016. 404 с.
66. Кокоулин В. Г. Томск в годы революции и гражданской войны (февраль 1917 — декабрь 1919 г.). Новосибирск : Сибирь — наука: XXI век, 2012. 312 с.
67. Кононенко А. А. Тюмень на перепутье: власть и общество в 1917—1921. Тюмень : [Б. и.], 2009. 224 с.
68. Кононенко А. А. Тюмень на перепутье: власть и общество в 1917—1921. 2-е изд. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2011. 280 с.
69. Косых Е. Н. Цены в Томске в 1917 году // Вопросы экономической истории России XVIII—XX вв. Томск, 1996. С. 57—66.
70. Красное знамя (Томск). 1917. 1 июня.
71. Красное знамя. 1917. 4 июня.
72. Красное знамя. 1917. 6 июня.
73. Красное знамя. 1917. 8 июня.
74. Красное знамя. 1917. 23 июня.
75. Красноярский Совет (март 1917 г. — июнь 1918 г.). Протоколы, постановления съездов Советов, пленумов, исполкома и отделов : сб. документов. Красноярск : [Б. и.], 1960. 582 с.
76. К[рутовский] В. Областное обозрение // Сибирские записки. Красноярск, 1918. № 1. С. 55—65.
77. Лавров И. А. На рубеже. Harbin : Изд-во М. В. Зайцева, [1938]. 178 с.
78. Московкин В. В. Обострение политической обстановки на Урале и в Западной Сибири в июле 1917 года // Словцовские чтения-2002 : материалы Всерос. науч.-практ. краевед. конф. Тюмень : [Б. и.], 2002. С. 89—91.
79. Московкин В. В. Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в период революции и гражданской войны (1917—1921 гг.). Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2018. 292 с.
80. Нам И. В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917—1922 гг.). Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2009. 500 с.
81. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880—1919 гг. : в 3 т. Т. 2: Март 1917 — май 1918 г. : в 2 ч. Часть 1. Март — август 1917 г. / сост. Э. И. Черняк, В. А. Дробченко. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2013. 416 с.
82. Омские большевики в период Октябрьской революции и упрочения Советской власти (март 1917 г. — май 1918 г.) : сб. документальных материалов. Омск : Омск. обл. кн. изд-во, 1958. 277 с.
83. Омский вестник. 1917. 10 (23) авг.
84. Омский вестник. 1917. 19 авг. (1 сент.)
85. Омский вестник. 1917. 23 авг. (5 сент.)
86. Омский вестник. 1917. 28 авг. (11 сент.)
87. Омский вестник. 1917. 31 авг. (13 сент.)
88. Омский вестник. 1917. 7 (20) сент.
89. Омский вестник. 1917. 22 сент. (5 окт.)
90. Омский вестник. 1917. 23 сент. (6 окт.)
91. Омский вестник. 1917. 1 (13) окт.
92. Омский вестник. 1917. 3 (16) окт.
93. Омский вестник. 1917. 6 (19) окт.
94. Омский вестник. 1917. 7 (20) окт.
95. Омский вестник. 1917. 11 (24) окт.
96. Омский вестник. 1917. 12 (25) окт.
97. Омский вестник. 1917. 18 (31) окт.
98. Омский вестник. 1917. 21 окт. (3 нояб.)
99. Омский вестник. 1917. 31 окт. (13 нояб.)
100. Очерки истории города Омска. Т. 2: XX век. Омск : Изд-во ОмГУ, 2005. 400 с.
101. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 4. М. : Наука, 1966. 854 с.
102. Партия и Великий Октябрь (Историографический очерк). М. : Политиздат, 1976. 294 с.
103. Первый сибирский областной съезд 8—17 октября 1917 года в г. Томск. Постановления съезда. Томск : Губ. тип., 1917. 16 с.
104. Победа Великого Октября в Сибири. Ч. 2. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1987. 319 с.
105. Подвиг Центросибири. 1917—1918 : сб. документов. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1986. 480 с.

106. Постановления первой сессии Томского губернского народного собрания (с 20 апреля по 18 мая 1917 г.). Томск : [Б. и.], 1917. 30 с.
107. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917—1937 гг.) / Д. М. Зольников, В. С. Познанский, В. А. Кадейкин [и др.] ; отв. ред. А. С. Московский. Новосибирск : Наука, Сиб. отделение, 1982. 425 с.
108. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902—1924 гг. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. 560 с.
109. Сафронов В. П. Октябрь в Сибири. Большевики Сибири в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции (февраль 1917 — март 1918 г.). Красноярск : Краснояр. кн. изд-во, 1962. 723 с.
110. Свободная Сибирь (Новониколаевск). 1917. 10 марта.
111. Сенин А. С. Комитеты общественной безопасности // Россия в 1917 году. Энциклопедия. М. : РОССПЭН, 2017. С. 457—458.
112. Сибирская жизнь. 1917. 7 марта.
113. Сибирская жизнь. 1917. 10 марта.
114. Сибирская жизнь. 1917. 12 марта.
115. Сибирская жизнь. 1917. 14 марта.
116. Сибирская жизнь. 1917. 11 окт.
117. Сибирская речь (Омск). 1917. 22 окт.
118. Сибирский листок (Тобольск). 1917. 23 марта.
119. Сибирь (Иркутск). 1917. 12 марта.
120. Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М. : Наука, 1981. 293 с.
121. Советы Томской губернии (март 1917 — май 1918 г.) : сб. документов и материалов. Томск, 1976. 219 с.
122. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Енисейской губернии (март 1917 — ноябрь 1918 г.). Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 1991. 218 с.
123. Установление Советской власти в Кузбассе (1917—1919) : сб. документов. Кемерово : Кн. изд-во, 1957. 430 с.
124. Утро Сибири (Томск). 1917. 10 марта.
125. Черняк Э. И. Политические партии в Сибири (март 1917 — ноябрь 1918 г.). Томск, 1993. 194 с.
126. Черняк Э. И. Профессиональные объединения в Сибири (март 1917 — ноябрь 1918 г.). Ч. 1. Томск, 1994. 144 с.
127. Черняк Э. И. Революция в Сибири: съезды, конференции и совещания общественных объединений и организаций (март 1917 — ноябрь 1918 года). Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2001. 238 с.
128. Черняк Э. И. Эсеровские организации в Сибири в 1917 — начале 1918 г. Томск : [Б. и.], 1987. 164 с.
129. Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917—1920 гг. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2003. 428 с.
130. Шишкин В. И. Административная элита Сибири весной 1917 г. // Эпоха войн и революций. 1914—1922 : материалы междунар. коллоквиума (С.-Петербург, 9—11 июня 2016 г.). СПб. : Нестор-История, 2017. С. 162—174.
131. Шишкин В. И. Февральская революция в Сибири (2—10 марта 1917 г.) // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2016. № 4 (12). С. 31—41.
132. Шишкин В. Сибирское областничество в контексте революционных событий марта — октября 1917 года // Acta Slavica Japonica. Hokkaido, 2016. Vol. 37. С. 47—71.
133. Шорников М. М. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции. Новосибирск : [Б. и.], 1963. 647 с.
134. Энциклопедия города Омска : в 3 т. Т. 1: Омск от прошлого к настоящему (период с 1716-го по 2008 год). Омск : Лео, 2009. 919 с.
135. Энциклопедия Забайкалья. Читинская область : в 2 т. Т. 1: Общий очерк. Новосибирск : Наука, 2000. 302 с.

References

1. *1917 god v Kazakhstane: dokumenty i materialy* [1917 in Kazakhstan: documents and materials]. Alma-Ata, Kazakhstan Publ., 1977. 282 p. (In Russian)

2. 1917. *Groza nad Eniseem: Russkaya revolyutsiya v Eniseiskoi gubernii* [1917. Thunderstorm over the Yenisei. Russian revolution in the Yenisei province]. Krasnoyarsk, Polikor Publ., 2017. 447 p. (In Russian)
3. Abov A. *Oktyabr' v Vostochnoi Sibiri (otryvki vospominanii)* [October in Eastern Siberia (excerpts of memories)]. *Sibirskie ogni. Novo-Nikolaevsk*, 1924, no. 4, pp. 107—121. (In Russian)
4. Agalakov V. T. *Podvig Tsentrosibiri* [Feat of Central Executive Committee of Siberia]. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd-vo Publ., 1968. 152 p. (In Russian)
5. *Akmolinskie oblastnye vedomosti (Omsk)*, 1917. March 8. (In Russian)
6. *Akmolinskie oblastnye vedomosti*, 1917. March 22. (In Russian)
7. Alekseeva G. D. *Oktyabr'skaya revolyutsiya i istoricheskaya nauka v Rossii (1917—1923)* [The October Revolution and historical science in Russia (1917—1923)]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 301 p. (In Russian)
8. Babikova E. N. *Dvoevlastie v Sibiri* [Dual power in Siberia]. Tomsk, Tomsk. un-t Publ., 1980. 159 p. (In Russian)
9. Batuev B. B. *Partiya bol'shevikov — organizator pobedy Sovetskoj vlasti v Vostochnoi Sibiri* [The Bolshevik Party is the organizer of the victory of Soviet power in Eastern Siberia]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd-vo Publ., 1971. 262 p. (In Russian)
10. Bozhenko L. I. *O prodovol'stvennom polozhenii v Zapadnoi Sibiri nakanune sotsialisticheskoi revolyutsii* [On the food situation in Western Siberia on the eve of the socialist revolution]. *Problemy istorii Oktyabr'skoi revolyutsii i grazhdanskoi voiny v SSSR* [Problems of the history of the October Revolution and the Civil War in the USSR]. Tomsk, Tomsk. un-t Publ., 1975, pp. 122—136. (In Russian)
11. *Bol'sheviky Zapadnoi Sibiri v bor'be za sotsialisticheskuyu revolyutsiyu (mart 1917 — mai 1918 g.)* [Bolsheviks of Western Siberia in the struggle for the socialist revolution (March 1917 — May 1918)]. Novosibirsk, Novosib. kn. izd-vo Publ., 1957. 368 p. (In Russian)
12. Buiskikh A. N. *Revoljucionnye ocherki. Iz vospominanii za 25 let* [Revolutionary essays. From memories of 25 years]. Novonikolaevsk, 1922. 143 p. (In Russian)
13. *Byulleteni Tobol'skogo vremennogo komiteta obshchestvennogo spokoistviya* [Bulletins of the Tobolsk Provisional Committee of Public Peace]. 1917. March 9. (In Russian)
14. *Byulleteni Tobol'skogo vremennogo komiteta obshchestvennogo spokoistviya* [Bulletins of the Tobolsk Provisional Committee of Public Peace]. 1917. March 16. (In Russian)
15. *Byulleteni Tobol'skogo vremennogo komiteta obshchestvennogo spokoistviya* [Bulletins of the Tobolsk Provisional Committee of Public Peace]. 1917. March 17. (In Russian)
16. Gidlevskii K., Saf'yanov M., Tregubenkov K. *Minusinskaya kommuna. 1917—1918 gg. Iz istorii Oktyabr'skoi revolyutsii v Sibiri* [Minusinsk commune. 1917—1918. From the history of the October Revolution in Siberia]. Moscow, Leningrad, Gos. sots.-ekon. izd-vo Publ., 1934. 296 p. (In Russian)
17. *Golos svobody* (Tomsk), 1917. June 2. (In Russian)
18. *Golos svobody*, 1917. June 4. (In Russian)
19. *Golos svobody*, 1917. June 6. (In Russian)
20. *Golos Sibiri* (Novonikolaevsk), 1917. March 11. (In Russian)
21. Gorodetskii E. N. *Istoriograficheskie i istochnikovedcheskie problemy Velikogo Oktyabrya. 1930 — 1960-e gg.: ocherki* [Historiographical and source study problems of the Great October Revolution. 1930—1960s. Essays]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 384 p. (In Russian)
22. Gorodetskii N. E. *Sovetskaya istoriografiya Velikogo Oktyabrya. 1917 — seredina 30-kh godov: ocherki* [Soviet historiography of the Great October Revolution. 1917 — mid-30s. Essays]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 367 p. (In Russian)
23. *Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti* [State Archives of the Novosibirsk Region]. F. D-143. Op. 1. D. 28.
24. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossijskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation] (GARF). F. R-351. Op. 7. D. 7.
25. GARF. F. R-1788. Op. 2. D. 67.
26. GARF. F. R-1788. Op. 2. D. 74.
27. GARF. F. R-1788. Op. 2. D. 89.
28. GARF. F. R-1779. Op. 1. D. 296.
29. GARF. F. R-1800. Op. 1. D. 45.
30. Dement'ev A. P., Konovalova O. V. *Obshchestvenno-politicheskaya bor'ba v Eniseiskoi gubernii (mart 1917 — noyabr' 1918 g.)* [Social and political struggle in the Yenisei province (March 1917 — November 1918)]. Krasnoyarsk, Sibirskii fed. un-t Publ., 2018. 320 p. (In Russian)
31. Drobchenko V. A. *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoi gubernii (mart 1917 — noyabr' 1918 g.)* [Social and political life of the Tomsk province (March 1917 — November 1918)]. Tomsk, Tomsk. un-t Publ., 2010. 550 p. (In Russian)

32. Drobchenko V. A. *Professional'noe dvizhenie v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Sibiri (mart 1917 — mai 1918)* [Professional movement in the social and political life of Siberia (March 1917 — May 1918)]. Tomsk, Tomsk. un-t Publ., 2006. 290 p. (In Russian)
33. *Edinenie* (Irkutsk), 1917. Nov. 2. (In Russian)
34. *Eniseiskii krai* (Krasnoyarsk), 1917. March 8. (In Russian)
35. *Zhizn' Altaya* (Barnaul), 1917. Sept. 24. (In Russian)
36. *Zhizn' Altaya*, 1917. Sept. 28. (In Russian)
37. *Zhizn' Altaya*, 1917. Sept. 29. (In Russian)
38. *Zhizn' Altaya*, 1917. Oct. 1. (In Russian)
39. *Zhizn' Altaya*, 1917. Oct. 3. (In Russian)
40. *Zhizn' Altaya*, 1917. Oct. 5. (In Russian)
41. *Zhizn' Altaya*, 1917. Oct. 7. (In Russian)
42. *Zhizn' Altaya*, 1917. Oct. 10. (In Russian)
43. *Zhizn' Altaya*, 1917. Oct. 12. (In Russian)
44. *Zhizn' Altaya*, 1917. Oct. 18. (In Russian)
45. *Za vlast' Sovetov. Sbornik dokumentov o bor'be za vlast' Sovetov v Eniseiskoi gubernii (mart 1917 g. — iyun' 1918 g.)* [For the power of the Soviets. Collection of documents on the struggle for Soviet power in the Yenisei province (March 1917 — June 1918)]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk. kn. izd-vo Publ., 1957. 332 p. (In Russian)
46. Zakharova K. L. Komitety obshchestvennoi bezopasnosti v Sibiri (vesna — leto 1917 g.) [Public Security Committees in Siberia (spring — summer 1917)]. *Transformatsiya rossiiskoi politicheskoi sistemy v period revolyutsii i grazhdanskoi voyny: sibirskaya spetsifika: sb. nauch. statei* [Transformation of the Russian political system during the revolution and Civil War. Siberian specifics. Collect. sci. art.]. Novosibirsk, Parallel' Publ., 2014, pp. 3—28. (In Russian)
47. Zakharova K. L. Sovetskaya elita Sibiri (mart — oktyabr' 1917 goda) [Soviet elite of Siberia (March — October 1917)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya — Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2016, vol. 15, no. 8, pp. 108—119. (In Russian)
48. Zakharova K. L. Sozdanie Sovetov v Sibiri v marte — oktyabre 1917 g. [Creating soviets in Siberia in March — October 1917]. *Magistra Vitae: elektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii — Magistra Vitae: Electronic Journal of Historical Sciences and Archeology*, 2020, no. 2, pp. 16—36. Available at: https://www.magistravitaejournal.ru/images/2_2020/16-36.pdf. DOI: 10.24411/2542-0275-2020-0202. (In Russian)
49. *Znamya revolyutsii* (Tomsk), 1917. June 6. (In Russian)
50. *Znamya revolyutsii*, 1917. Oct. 4. (In Russian)
51. *Znamya revolyutsii*, 1917. Nov. 11. (In Russian)
52. Zol'nikov D. M. *Rabochee dvizhenie v Sibiri v 1917 g.* [Labor movement in Siberia in 1917]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1969. 335 p. (In Russian)
53. Ivanova L. V. *U istokov sovetskoj istoricheskoi nauki (Podgotovka kadrov istorikov-marksistov v 1917—1929 gg.)* [At the origins of Soviet historical science (Training of Marxist historians in 1917—1929)]. Moscow, Mysl' Publ., 1968. 197 p. (In Russian)
54. *Izvestiya Eniseiskoi gubernii* (Krasnoyarsk), 1917. Apr. 14. (In Russian)
55. *Izvestiya ispolnitel'nogo komiteta obshchestvennykh organizatsii gor. Irkutsk*, 1917. March 11. (In Russian)
56. *Izvestiya ispolnitel'nogo komiteta obshchestvennykh organizatsii gor. Irkutsk*, 1917. March 15. (In Russian)
57. *Izvestiya ispolnitel'nogo komiteta obshchestvennykh organizatsii gor. Irkutsk*, 1917. March 17. (In Russian)
58. *Izvestiya ispolnitel'nogo komiteta obshchestvennykh organizatsii gor. Irkutsk*, 1917. March 18. (In Russian)
59. *Izvestiya ispolnitel'nogo komiteta obshchestvennykh organizatsii gor. Irkutsk*, 1917. March 19. (In Russian)
60. *Izvestiya ispolnitel'nogo komiteta obshchestvennykh organizatsii gor. Irkutsk*, 1917. March 22. (In Russian)
61. Kim V. V. Bol'shevizatsiya Irkutskogo garnizona v period podgotovki sotsialisticheskoi revolyutsii [Bolshevisation of the Irkutsk garrison during the preparation for the socialist revolution]. *Voprosy istorii Sibiri*, 1967, is. 3, pp. 139—151. (In Russian)
62. Kozhevnikov V. L. Sozdanie i deyatelnost' Zapadno-Sibirskogo ob"edinennogo komiteta revolyutsionnoi demokratii (konets avgusta — nachalo noyabrya 1917 g.) [Creation and activities of the West Siberian Joint Committee of Revolutionary Democracy (late August — early November 1917)]. *Transformatsiya rossiiskoi politicheskoi sistemy v period revolyutsii i grazhdanskoi voyny: sibirskaya spetsifika: sb. nauch. statei*

[Transformation of the Russian political system during the revolution and Civil War. Siberian specifics. Collect. sci. art.]. Novosibirsk, Parallel' Publ., 2014, pp. 67—85. (In Russian)

63. Kokoulin V. G. *Altai v gody revolyutsii, grazhdanskoi voiny i "voennogo kommunizma"* [Altai during the years of revolution, Civil War and "war communism"]. Novosibirsk, 2013. 456 p. (In Russian)

64. Kokoulin V. G. *Novonikolaevsk v gody revolyutsii, grazhdanskoi voiny i "voennogo kommunizma" (fevral' 1917 — mart 1921 g.)* [Novonikolaevsk during the years of revolution, Civil War and "war communism" (February 1917 — March 1921)]. Novosibirsk, Sibir' — nauka: XXI vek Publ., 2010. 324 p. (In Russian)

65. Kokoulin V. G. *Omsk v gody revolyutsii: vlast', politicheskaya bor'ba i povsednevnyaya zhizn' (fevral' 1917 — mai 1918 g.)* [Omsk during the years of revolution. Power, political struggle and everyday life (February 1917 — May 1918)]. Novosibirsk, 2016. 404 p. (In Russian)

66. Kokoulin V. G. *Tomsk v gody revolyutsii i grazhdanskoi voiny (fevral' 1917 — dekabr' 1919 g.)* [Tomsk during the years of revolution and Civil War (February 1917 — December 1919)]. Novosibirsk, Sibir' — nauka: XXI vek Publ., 2012. 312 p. (In Russian)

67. Kononenko A. A. *Tyumen' na pereput'e: vlast' i obshchestvo v 1917—1921* [Tyumen at a crossroads: power and society in 1917—1921]. Tyumen, 2009. 224 p. (In Russian)

68. Kononenko A. A. *Tyumen' na pereput'e: vlast' i obshchestvo v 1917—1921. 2-e izd.* [Tyumen at a crossroads: power and society in 1917—1921. 2nd ed.]. Tyumen, Tyumen. gos. un-t Publ., 2011. 280 p. (In Russian)

69. Kosykh E. N. *Tseny v Tomske v 1917 godu* [Prices in Tomsk in 1917]. *Voprosy ekonomicheskoi istorii Rossii XVIII—XX vv.* [Questions of the economic history of Russia in the 18—20th centuries]. Tomsk, 1996, pp. 57—66. (In Russian)

70. *Krasnoe znamya* (Tomsk), 1917. June 1. (In Russian)

71. *Krasnoe znamya*, 1917. June 4. (In Russian)

72. *Krasnoe znamya*, 1917. June 6. (In Russian)

73. *Krasnoe znamya*, 1917. June 8. (In Russian)

74. *Krasnoe znamya*, 1917. June 23. (In Russian)

75. *Krasnoyarskii Sovet (mart 1917 g. — iyun' 1918 g.). Protokoly, postanovleniya s'ezdov Sovetov, plenumov, ispolkoma i otdelov: sb. dokumentov* [Krasnoyarsk Council (March 1917 — June 1918). Protocols, resolutions of congresses of Soviets, plenums, executive committees and departments. Collect. of documents]. Krasnoyarsk, 1960. 582 p. (In Russian)

76. K[rutovskii] V. *Oblastnoe obozrenie* [Regional Review]. *Sibirskie zapiski* [Siberian Notes]. Krasnoyarsk, 1918, no. 1, pp. 55—65. (In Russian)

77. Lavrov I. A. *Na rubezhe* [On the edge]. Harbin, M. V. Zaitsev Publ., [1938]. 178 p. (In Russian)

78. Moskovkin V. V. *Obostrenie politicheskoi obstanovki na Urale i v Zapadnoi Sibiri v iyule 1917 goda* [Exacerbation of the political situation in the Urals and Western Siberia in July 1917]. *Slovtsovskie chteniya-2002: materialy Vseros. nauch.-prakt. kraeved. konf.* [Slovtsov Readings-2002. Proceed. of the All-Russia sci.-pract. local historian conf.]. Tyumen, 2002, pp. 89—91. (In Russian)

79. Moskovkin V. V. *Protivoborstvo politicheskikh sil na Urale i v Zapadnoi Sibiri v period revolyutsii i grazhdanskoi voiny (1917—1921 gg.)* [Confrontation of political forces in the Urals and Western Siberia during the revolution and Civil War (1917—1921)]. Tyumen, Tyumen. gos. un-t Publ., 2018. 292 p. (In Russian)

80. Nam I. V. *Natsional'nye men'shinstva Sibiri i Dal'nego Vostoka na istoricheskom perelome (1917—1922 gg.)* [National minorities of Siberia and the Far East at a historical turning point (1917—1922)]. Tomsk, Tomsk. un-t Publ., 2009. 500 p. (In Russian)

81. *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoi gubernii v 1880—1919 gg.: v 3 t. T. 2: Mart 1917 — mai 1918 g.: v 2 ch. Chast' 1. Mart — avgust 1917 g.* [Social and political life of the Tomsk province in 1880—1919. In 3 vols. Vol. 2: March 1917 — May 1918. In 2 parts. Part 1. March — August 1917]. Tomsk, Tomsk. un-t Publ., 2013. 416 p. (In Russian)

82. *Omskie bol'sheviki v period Oktyabr'skoi revolyutsii i uprocheniya Sovetskoi vlasti (mart 1917 g. — mai 1918 g.): sb. dokumental'nykh materialov* [Omsk Bolsheviks during the October Revolution and the consolidation of Soviet power (March 1917 — May 1918). Collect. of documentary materials]. Omsk, Omsk. obl. kn. izd-vo Publ., 1958. 277 p. (In Russian)

83. *Omskii vestnik*, 1917. Aug. 10 (23) (In Russian)

84. *Omskii vestnik*, 1917. Aug. 19 (Sept. 1). (In Russian)

85. *Omskii vestnik*, 1917. Aug. 23 (Sept. 5). (In Russian)

86. *Omskii vestnik*, 1917. Aug. 28 (Sept. 11). (In Russian)

87. *Omskii vestnik*, 1917. Aug. 31 (Sept. 13). (In Russian)

88. *Omskii vestnik*, 1917. Sept. 7 (20). (In Russian)

89. *Omskii vestnik*, 1917. Sept. 22 (Oct. 5). (In Russian)

90. *Omskii vestnik*, 1917. Sept. 23 (Oct. 6). (In Russian)

91. *Omskii vestnik*, 1917. Oct. 1 (13). (In Russian)
92. *Omskii vestnik*, 1917. Oct. 3 (16). (In Russian)
93. *Omskii vestnik*, 1917. Oct. 6 (19). (In Russian)
94. *Omskii vestnik*, 1917. Oct. 7 (20). (In Russian)
95. *Omskii vestnik*, 1917. Oct. 11 (24). (In Russian)
96. *Omskii vestnik*, 1917. Oct. 12 (25). (In Russian)
97. *Omskii vestnik*, 1917. Oct. 18 (31). (In Russian)
98. *Omskii vestnik*, 1917. Oct. 21 (Nov. 3). (In Russian)
99. *Omskii vestnik*, 1917. Oct. 31 (Nov. 13). (In Russian)
100. *Ocherki istorii goroda Omska. T. 2: XX vek* [Essays on the history of the city of Omsk. Vol. 2. XX century]. Omsk, OmGU Publ., 2005. 400 p. (In Russian)
101. *Ocherki istorii istoricheskoi nauki v SSSR. T. 4* [Essays on the history of historical science in the USSR. Vol. 4]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 854 p. (In Russian)
102. *Partiya i Velikii Oktyabr' (Istoriograficheskii ocherk)* [The Party and the Great October (Historiographical essay)]. Moscow, Politizdat Publ., 1976. 294 p. (In Russian)
103. *Pervyi sibirskii oblastnoi s'ezd 8—17 oktyabrya 1917 goda v g. Tomsk. Postanovleniya s'ezda* [The first Siberian regional congress, Oct. 8—17, 1917 in Tomsk. Congress resolutions]. Tomsk, Gub. tip. Publ., 1917. 16 p. (In Russian)
104. *Pobeda Velikogo Oktyabrya v Sibiri. Ch. 2* [Victory of the Great October Revolution in Siberia. Part 2]. Tomsk, Tomsk. un-t Publ., 1987. 319 p. (In Russian)
105. *Podvig Tsentrosibiri. 1917—1918: sb. dokumentov* [Feat of Centrosiberia. 1917—1918. Collect. of documents]. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd-vo Publ., 1986. 480 p. (In Russian)
106. *Postanovleniya pervoi sessii Tomskogo gubernskogo narodnogo sobraniya (s 20 aprelya po 18 maya 1917 g.)* [Resolutions of the first session of the Tomsk Provincial People's Assembly (from April 20 to May 18, 1917)]. Tomsk, 1917. 30 p. (In Russian)
107. Zol'nikov D. M., Poznanskii V. S., Kadeikin V. A. (et al.) *Rabochii klass Sibiri v period stroitel'stva sotsializma (1917—1937 gg.)* [The working class of Siberia during the construction of socialism (1917—1937)]. Novosibirsk, Nauka, Sib. otделение Publ., 1982. 425 p. (In Russian)
108. Romanov N. S. *Letopis' goroda Irkutsk za 1902—1924 gg.* [Chronicle of the city of Irkutsk for 1902—1924]. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd-vo Publ., 1994. 560 p. (In Russian)
109. Safronov V. P. *Oktyabr' v Sibiri. Bol'sheviki Sibiri v bor'be za pobedu Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii (fevral' 1917 — mart 1918 g.)* [October in Siberia. Bolsheviks of Siberia in the struggle for the victory of the Great October Socialist Revolution (February 1917 — March 1918)]. Krasnoyarsk, Krasnoyar. kn. izd-vo Publ., 1962. 723 p. (In Russian)
110. *Svobodnaya Sibir' (Novonikolaevsk)*, 1917. March 10. (In Russian)
111. Senin A. S. *Komitety obshchestvennoi bezopasnosti* [Public Security Committees]. *Rossiya v 1917 godu. Entsiklopediya* [Russia in 1917. Encyclopedia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2017, pp. 457—458. (In Russian)
112. *Sibirskaya zhizn'*, 1917. March 7. (In Russian)
113. *Sibirskaya zhizn'*, 1917. March 10. (In Russian)
114. *Sibirskaya zhizn'*, 1917. March 12. (In Russian)
115. *Sibirskaya zhizn'*, 1917. March 14. (In Russian)
116. *Sibirskaya zhizn'*, 1917. Oct. 11. (In Russian)
117. *Sibirskaya rech'* (Omsk), 1917. Oct. 22. (In Russian)
118. *Sibirskii listok* (Tobolsk), 1917. March 23. (In Russian)
119. *Sibir'* (Irkutsk), 1917. March 12. (In Russian)
120. *Sovetskaya istoriografiya Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii* [Soviet historiography of the Great October Socialist Revolution]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 293 p. (In Russian)
121. *Sovety Tomskoi gubernii (mart 1917 — mai 1918 g.): sb. dokumentov i materialov* [Soviets of the Tomsk province (March 1917 — May 1918). Collect. of documents and materials]. Tomsk, 1976. 219 p. (In Russian)
122. *S'ezdy, konferentsii i soveshchaniya sotsial'no-klassovykh, politicheskikh, religioznykh, natsional'nykh organizatsii v Eniseiskoi gubernii (mart 1917 — noyabr' 1918 g.)* [Congresses, conferences and meetings of social-class, political, religious, national organizations in the Yenisei province (March 1917 — November 1918)]. Tomsk, Tomsk. gos. un-t Publ., 1991. 218 p. (In Russian)
123. *Ustanovlenie Sovetskoi vlasti v Kuzbasse (1917—1919): sb. dokumentov* [Establishment of Soviet power in Kuzbass (1917—1919). Collect. of documents]. Kemerovo, Kn. izd-vo Publ., 1957. 430 p. (In Russian)
124. *Utro Sibiri* (Tomsk), 1917. March 10. (In Russian)
125. Chernyak E. I. *Politicheskie partii v Sibiri (mart 1917 — noyabr' 1918 g.)* [Political parties in Siberia (March 1917 — November 1918)]. Tomsk, 1993. 194 p. (In Russian)

126. Chernyak E. I. *Professional'nye ob"edineniya v Sibiri (mart 1917 — noyabr' 1918 g.). Ch. 1* [Professional associations in Siberia (March 1917 — November 1918). Part 1]. Tomsk, 1994. 144 p. (In Russian)
127. Chernyak E. I. *Revolyutsiya v Sibiri: s"ezdy, konferentsii i soveshchaniya obshchestvennykh ob"edinenii i organizatsii (mart 1917 — noyabr' 1918 goda)* [Revolution in Siberia: congresses, conferences and meetings of public associations and organizations (March 1917 — November 1918)]. Tomsk, Tomsk. un-t Publ., 2001. 238 p. (In Russian)
128. Chernyak E. I. *Eserovskie organizatsii v Sibiri v 1917 — nachale 1918 g.* [Socialist Revolutionary organizations in Siberia in 1917 — early 1918]. Tomsk, 1987. 164 p. (In Russian)
129. Shilovskii M. V. *Politicheskie protsessy v Sibiri v period sotsial'nykh kataklizmov 1917—1920 gg.* [Political processes in Siberia during the period of social cataclysms of 1917—1920]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 2003. 428 p. (In Russian)
130. Shishkin V. I. *Administrativnaya elita Sibiri vesnoi 1917 g.* [The administrative elite of Siberia in the spring of 1917]. *Epokha voin i revolyutsii. 1914—1922: materialy mezhdunar. kollokviuma (S.-Peterburg, 9—11 iyunya 2016 g.)* [The Age of Wars and Revolutions. 1914—1922. Proceed. of Internat. colloquium (St. Petersburg, June 9—11, 2016)]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017, pp. 162—174. (In Russian)
131. Shishkin V. I. *Fevral'skaya revolyutsiya v Sibiri (2—10 marta 1917 g.)* [The February revolution in Siberia (March 2—10, 1917)]. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki — Herald of Omsk University. Series Historical Studies*, 2016, no. 4 (12), pp. 31—41. (In Russian)
132. Shishkin V. *Sibirskoe oblastничество v kontekste revolyutsionnykh sobytii marta — oktyabrya 1917 goda* [Siberian regionalism in the context of the revolutionary events of March — October 1917]. *Acta Slavica Japonica*. Hokkaido, 2016, vol. 37, pp. 47—71. (In Russian)
133. Shornikov M. M. *Bol'sheviki Sibiri v bor'be za pobedu Oktyabr'skoi revolyutsii* [Bolsheviks of Siberia in the struggle for the victory of the October Revolution]. Novosibirsk, 1963. 647 p. (In Russian)
134. *Entsiklopediya goroda Omska: v 3 t. T. 1: Omsk ot proshlogo k nastoyashchemu (period s 1716-go po 2008 god)* [Encyclopedia of the Omsk city. In 3 vols. Vol. 1. Omsk from past to present (period from 1716 to 2008)]. Omsk, Leo Publ., 2009. 919 p. (In Russian)
135. *Entsiklopediya Zabaikal'ya. Chitinskaya oblast': v 2 t. T. 1: Obshchii ocherk* [Encyclopedia of Trans Baikal area. Chita region. In 2 vols. Vol. 1. General outline]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2000. 302 p. (In Russian)

Информация об авторе

В. И. Шишкин — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник

Information about the author

V. I. Shishkin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher

Статья поступила в редакцию 31.07.2023; одобрена после рецензирования 13.11.2023;
принята к публикации 20.11.2023

The article was submitted 31.07.2023; approved after reviewing 13.11.2023;
accepted for publication 20.11.2023